

Алексей Федоров

16+

**ПОВЕЛИТЕЛЬ
ОГНЕННЫХ ПТИЦ**

Алексей Федоров

Повелитель огненных птиц

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64112406

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98251-2

Аннотация

Когда свой мир становится местом, в котором не выжить, остается лишь бежать в мир иной. Иных людей, иных сил, иных правил. И даже если ты не обычный человек, а начинающий маг, познавший искусство под руководством таинственного аг'сценара, которого страшатся даже Боги, не спеши с облегчением переводить дух. Слишком многие хотят использовать того, на кого лег выбор Дома Кровавой Тьмы. Могучие маги, Великие Духи, Забытые Боги и набирающие силу Демоны, обретшие настоящего предводителя... Чтобы пережить их внимание и навязать свои правила игры нужна Сила! И первый шаг на пути к истинному могуществу – обретение верных друзей, которые помогут заполучить столь вожеленный титул Повелителя Огненных Птиц.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	15
Глава 2	30
Глава 3	41
Глава 4	57
Глава 5	70
Глава 6	88
Глава 7	100
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Алексей Федоров

Повелитель огненных птиц

Пролог

В ночной тишине стук испуганного сердца, слышался беглецу громом.

«Сопляк! – ругал он себя мысленно. – Думал, выучил пару трюков и стал круче всех? Получай теперь...»

Среди пустынных улочек небольшого, но не такого уж и провинциального городка, по тротуару под тревожно мигающими желтыми фонарями бежал парень. Слишком быстро для обычного человека. Иногда беспокойно оглядывался, вертел головой по сторонам, выискивая в пляшущих тенях силуэты преследователей. Они могли броситься наперерез в любой момент. Если поймают... Нет, он помотал головой, отгоняя дурные мысли. О печальной участи даже думать не хотелось.

Резкие окрики преследователей далеко разносились в тишине ночной улицы. Опасения заставили молодого человека выжать из себя последние силы, чтобы сделать ещё один лихорадочный рывок, прежде чем он упал на колени, с трудом проглатывая воздух у спасительного места силы[1]. Усилием

воли беглец заставил себя собраться, ещё рано праздновать победу – он по-прежнему в опасности, а преследователи всё ближе.

«Лишь бы успеть» – билась в голове отчаянная мысль.

Дрожащими руками ему удалось сдернуть со спины рюкзак, из которого на асфальт посреди проезжей части высыпал спички, пластиковую бутылку с ацетоном, маленькую вязанку сушняка и толстый стеклянный пузырёк, со слегка загустевшей темно-бордовой жидкостью. Из бокового кармашка была вытащена связка ссохшихся кисточек для рисования акварелью. Выбрав из них самую чистую, парень глубоко вдохнул, стараясь успокоиться. Такие дела не терпят суеты и нервного состояния. Абсолютное спокойствие и концентрация на одной единственной цели – вот что ему сейчас необходимо, чтобы сделать несколько точных выверенных мазков собственной, заранее собранной, кровью на месте ритуала.

Прикрыв глаза, молодой челок смирился с приближением сектантов, жаждущих его смерти. До этого он никогда не пытался прыгнуть выше головы, разумно полагая, что неоправданная самонадеянность может привести к гибели. Вот только теперь жизнь не просто висела на волоске – молодой человек падал в пропасть, и оставалось лишь несколько минут прежде, чем преследователи найдут его.

Вспыхнуть от потери контроля над ритуалом, было вовсе не так уж страшно. Умирать так, как гибнут враги сектантов

– сгнивая заживо, оставаясь в сознании, даже когда разлагающаяся плоть слезает с костей – куда хуже, чем сгореть в огненных объятиях первостихии. К тому же огонь истинный пожирает все намного быстрее своего неодушевленного собрата.

Наконец, парню удалось добиться сосредоточения. Молодой человек кинул сухие ветки перед собой. Поднес зажжённую спичку, дождался, пока огонь ухватится за сушняк, включил музыку в плеере. Наушники были плохонькими и не давали полностью насладиться шедевром в уличной суете, но ночью город напоминал пустынный каньон с домами, нависающими над заблудшим путником. По этой причине он любил погулять в то время, когда большинство людей спит, за что и поплатился. Вообще-то, проблемы возникли из-за не туда сунутого носа, но именно ночью далеко от дома у него не было шанса на спасение. Его загоняли, как зверя. Повезло, что удалось добраться сюда, ведь это единственное место, из которого можно провести призыв.

Отвлеченные мысли не мешали заниматься основным делом. Уловив то редкое состояние воодушевления, полёта духа, что непременно возникает от хорошей музыки, молодой человек начал подвывать подобно дикарским шаманам. Вначале тихо, затем всё громче, стараясь соответствовать музыке своим вовсе не мелодичным голосом. Он взывал к пламени, весь свой восторг и внутренний огонь обратил в один единственный зов, заставляя само своё естество выплески-

ваться из телесной оболочки. Плевать, что вместе с этим он теряет свои жизненные силы. Огонь пышет жаром, не скупясь, и поглощает всё, до чего дотянется, бесстрашно и торжественно танцуя, с осознанием того, что каждый миг может стать последним. Если ты сам не делаешь так же, стихия не откликнется и не придёт на зов.

Парень припас пластиковую бутылку с горючим растворителем, чтобы на пике своего зова подлить в костерок. Резкая вспышка именно в этот момент должна была улучшить его симпатическую связь с пламенем, но теперь этот план казался жалким недостойным жульничеством. Пламя ответит. Парень был не просто уверен – он знал это, потому как сам ощущал себя кусочком огня, запертым в слабом теле.

Вспышка огня была куда большей, чем могла быть от маленькой связки веток, что теперь горели, но не сгорали. Истинное пламя колыхалось перед повеселевшим человеком. Кучка сушняка была для первостихии не едой, а маленьким тронem.

Молодой человек оглянулся, первый из преследователей преодолевал последние метры, с его скоростью не пройдет и секунды, как он доберется до беглеца и схватит, чтобы призвать к ответу за раскрытие их тайны. Восприятие мира резко ускорилось. Дальше события растянулись, хотя прошел лишь миг. Преследователь прыгает, а беглец в то же время засовывает, сложенные ковшиком руки в пламя, чтобы тут же – невероятно быстро! – в полуобороте корпуса протянуть

их, наполненные жидким огнём, навстречу врагу, увидеть удивление в его глазах и с бесшабашной веселостью наблюдать, как горящий поток сам выпрыгнул из ладоней. Сектант наткнулся на огненную струю в воздухе, был ею схвачен и отброшен обратно.

Из дворика выбежала основная группа преследователей и в нерешительности замерла, глядя на спокойно улыбавшегося парня и их товарища, пожираемого пламенем. Беглец видел, как они переговариваются, даже не пытаясь помочь соратнику. Не из равнодушия – злоба на их лицах только увеличилась, – а потому, что помочь ему были не в силах. Что они против истинного огня? Так – пресная закуска. Достаточно прикосновения, чтобы они вспыхнули также.

Парень не слышал криков умирающего, не слышал угроз пока невредимых сектантов, только мягкий говор пламенного защитника, который как давний приятель тихонько говорил с молодым человеком. Вот только он не понимал этих слов, и им обоим было жаль.

Молодой человек ощущал, как к нему несется огненное создание. Он решился призвать духа пламени во плоти, несмотря на опасность умереть в ходе ритуала. Парень с иронией думал о сектантах, их мотивы становились понятнее. В него вливалась сила, перетекающая от умирающего человека, а они, должно быть, чувствуют себя очень необычно, наблюдая жертвоприношение с совсем иной стороны, нежели привыкли. Ещё парень думал о своей самонадеянности.

Связаться с сектантами, начать активные действия с почитателями тлена, но ни разу не посоветоваться с Логротом – единственным наставником в этом мире. Наивно и глупо.

Преследователи успокоились и рассредоточились вокруг начинающего заклинателя, постепенно сужая круг. Вдруг резко остановились, когда огонь внезапно вырос и обратился двухметровым столбом сияющего жара. Молодой человек слышал, как огненный гость бьется о незримую преграду, небольшой – сантиметров сорок в длину и с десятков в диаметре – сгусток истинного пламени вился вокруг огненного столба, не пускал его, но парень, убедившись, что это тот, кто ему нужен, попросил пламя отступить. Оно проворчало что-то, но посторонилось с пути призванного создания.

Столб огня поднялся на пятнадцать метров, затем со вспышкой схлопнулся. Вместо него остался призванный дух. Был он невзрачен и мал – огненная птица размером и обликом больше всего напоминающая колибри. Странно, что его очертания легко различались невооруженным глазом, несмотря на размеры и яркое свечения. Возможно, при взгляде на этого духа зрение обострялось... а может его удавалось видеть не глазами? Только теперь на лицах сектантов проступил страх. Призвать духа стихии, пусть и такого маленького – немалый подвиг. Все силы местных магов просто пыль по сравнению с возможностью духа, имеющего облик[2]. Другое дело, что существовать в этом мире для созданий первостихий проблематично, а значит рано или

поздно огненный колибри развоплотится. Нужно лишь подождать.

Молодой человек понимал это, знали о ситуации и сектанты. Колибри завис в воздухе на уровне груди парня, развернулся и взглянул глазами-искорками. Сейчас он был не собой, а лишь щелочкой, через которую глядел куда более могущественный дух. И последний мысленно говорил с парнем.

– Ты готов?

– Да. Я, наконец, решился. Хотя, глядя правде в глаза, я боюсь. Очень боюсь покидать этот мир.

– Ты говорил, что жаждешь силы. Существует множество миров, в которых ты обретешь её с меньшим трудом, чем здесь.

– Да, я помню. Ты рассказывал о других мирах, но... Я люблю свой мир. Про другие миры интересно слушать и только. Смогу ли я вернуться? Ты говорил, через дюжину лет можно будет повторить переход через врата пламени.

Дух молчал, колибри всё также порхал рядом. Наконец могучее создание заговорило с парнем снова.

– Всё несколько усложнилось. На тебе метка тлена.

Парень лишь кивнул в ответ. Последние несколько дней он постоянно ощущал отчаяние и безнадегу. Хоть его самоконтроль был на высоком уровне, чтобы плохое настроение накатывало всё сильнее. Его пытались сломить в противостоянии разума, да и нашли после погони по ночному городу

чересчур уж быстро. Тревога отпустила лишь после призыва истинного пламени в своём месте силы.

– Я могу это исправить – продолжил дух – но метка тлена не сойдет просто так. Сейчас она пожирает твою душу. Её можно выжечь, однако вместе с ней будет выжжена и часть твоей личности, воспоминаний.

– То есть у меня есть выбор: умереть или стать другим человеком, – усмехнулся парень, – чем же это от смерти отличается? Так и так – это будет уже кто-то другой – не я.

– Не путай, – оборвал его дух, – стать другим человеком – все равно что переродиться со сформированной личностью, а вот если ты дашь съесть свою суть, то умрешь окончательно. Решай скорее, время моего пребывания здесь на исходе. Скоро этот маленький свирфхльт[3] не сможет присутствовать в этом мире и связывать нас с тобой.

Парень уже все решил и сейчас просто тянул время, наслаждаясь каждым вдохом, сделанным в его родном мире, который он так любил. Затем развернулся всем корпусом к маленькой пташке и, схватив его руками, засунул в рот, проглатывая. Нагнулся над призванным пламенем, разорвал его руками. Перед самым лицом открылся проход в мир огня. Уже падая в этот бездонный горящий колодец, послал преследователей к моржам. В ответ услышал яростные крики сектантов, осознавших, что добыча выскользнула из их хватки.

В следующий миг парень сам закричал от боли. Огонь тер-

зал его, проталкивая вниз, к выходу из горящей бесконечности. Все существо горело в огне, выжигая память о самой его жизни, все воспоминания о дорогих людях и бытии в мире, который он считал родным. Истинное пламя, последовало в мир огня вместе с парнем, и теперь отчаянно отбивалось от огненных языков, вызывая их яростное недовольство и мешая уничтожению чего-то неуловимого в памяти человека, чему сам он объяснения найти не мог. Может, оно защищало его самосознание, а может ещё что-то, совсем уж ему непонятное, но делало это яростно. В какой-то момент стало ясно, что каждое движение в пылающем океане сопровождается данью огню. Чем больше он выжигает, тем быстрее человек продвигается по огненному колодцу к выходу.

Через дыру в огне виднелся алтарь с приготовившимися жрецами. На нём виднелась пылающая статуя огненной птицы с загнутым как у орла клювом, широко раскинутыми крыльями и невероятно длинным хвостом, уходящим огненной тропой куда-то вглубь неведомого храма.

Клубы истинного пламени неожиданно перестали трепетать, замерли, принимая вedomое только им решение и вдруг стали выжигать парню плоть. Они словно омывали его, испепеляя слой за слоем. Под сожженной кожей обнаруживалось не мясо перевитое сосудами, а новая кожа – более молодая. Человек почувствовал себя кусочком льда, который тает под палящим солнцем, однако продвижение вниз резко ускорилось, превратившись в стремительное падение. Поза-

ди оставался лишь след из искрящегося пепла.

Заветный выход с избавлением от боли становились всё ближе. Парень не мог нарадоваться скорому прекращению страдания. Он уже приготовился сгруппироваться перед вылетом на каменный пьедестал, когда сгусток истинного пламени вдруг изогнулся и прорезал огонь сбоку от него, открывая взору парня темный провал, в котором виднелась рогатая змеиная голова. Она смотрела на изумленного парня и улыбалась. В следующий миг тварь резко схватила его и затянула во тьму, чтобы выбросить в мире совсем ином. Пламенная дорога, которую подготовил великий огненный дух Ркалыхнурв, осталась не пройденной. Заключивший с ним договор смертный человек исчез.

Огонь забурлил, а великий дух взревел в ярости. Пламя взорвалось облаком, опалая служителей у алтаря. Ркалыхнурв люто ненавидел змей и убивал их при любом случае, их вражда имеет историю большую, чем иные миры. Он намного могущественнее их повелителя, но уступает в коварстве. Теперь змеи нанесли ему тяжелый удар. Не скоро ещё удастся встретиться с человеком, так подходящим в роли сосуда. Успокаивало лишь то, что с ним заключен контракт, а значит рано или поздно Ркалыхнурв отыщет его в сонме миров. Тогда он передаст ему самое ценное, что имеет – свою власть, а подчиненные ему духи засияют в экстазе. Ибо этому человеку суждено стать новым повелителем огненных птиц.

[1] Место силы – область пространства (как правило

небольшой площади), в которой творить магию несколько легче, чем в других местах. Магам требуется некоторое время, чтобы настроиться на незнакомое место силы и использовать его преимущества с максимальной пользой. Поэтому они "прикармливают" выбранную для себя локацию, учатся правильно с ней работать и заодно слегка изменяют под себя.

[2] Духи разделяются по множеству признаков, но существует базовое отличие: бесформенные духи и духи, имеющие облик. Последние не обязательно могущественнее первых, но представляют куда как большую опасность, т.к. имеют развитый интеллект и волю, которые помогают им создавать и поддерживать выбранную ими форму.

[3] Свирфхлыт – младший среди сильных духов огненных птиц. Также существуют слабые духи, ниже которых в иерархии только элементали. Более высокое место занимают сильные, могущественные и великие духи. Далее идут божественные сущности, повелевающие стихиями и воплощения сил.

Глава 1

– Искантерлнамзиас.

От звука своего имени я вздрогнул, повернулся к незнакомцу. Молодой человек стоял и наблюдал за моим ошарашенным лицом с насмешливой улыбкой. Его короткие пшеничного цвета волосы были острижены неровно и торчали в разные стороны. Солнце лишь недавно взошло, отчего рассмотреть лицо было сложно.

– Меня зовут Неркас. Я – новенький.

Пока его разглядывали, парень успел представиться. Пришлось кивнуть в ответ. Требовательно ожидающий чего-то взгляд Неркаса удивлял. Смотрит, как будто я ему что-то должен. Впрочем, такой взгляд тут почти у всех.

– Свое настоящее имя назвать не хочешь? – сказал, наконец, Неркас и хрипло засмеялся своей шутке.

Юмор не первой свежести, честно говоря. В этом храме даже каменные плиты знают о моей потере памяти. Если сразу окликнул новым прозвищем, то наверняка уже вызнал историю моего появления. Я отвернулся в попытке возобновить медитацию на лужайке в саду возле выделенного мне гостевого домика. Однако Неркас имел свои планы на мой счет. Именно такие случаи заставляют жалеть об отсутствии вокруг гостевых домов забора.

– Эй, слушай, давай поговорим. Я только приехал и сразу наткнулся на тебя, представляешь? О тебе ж по всем храмам рассказывают, в пример ставят... в смысле, это ж каким идиотом надо быть, чтобы полезть куда-то в такое место, после которого часть тебя исчезнет, как не было? Знаешь, не так-то просто оставаться беспмятным в храме познания, так что ты либо редкий везунчик, который не хочет ничего вспоминать, либо...

«Так, значит?»

Последние слова Неркаса не просто с подтекстом – он прямо называет меня лжецом и требует признания в мнимости моей потери памяти. Кому-то где-то такое настойчивое внимание показалось бы оскорбительным, но только не мне и не здесь – в храме познания. Народ попроще называет его зелеными домами, поэты – изумрудным храмом, маги – сборищем чокнутых менталистов, но все они ошибаются. Хотя по-своему правы, конечно.

За высокой храмовой стеной, действительно стоят деревянные домики, окрашенные в зеленый цвет. Среди украшений залов, расположенного в центре поселения замка, преобладают изумруды. А люди, живущие в своем маленьком мирке без претензий на власть и какие-то привилегии, с трудом поддаются пониманию. Чем и заслуживают сомнения в своей адекватности.

Но откуда простому человеку, поэту или даже магу знать, что основатели маленькой общины, которая со временем

превратилась в огромный храм со множеством послушников, чудесным образом больше всего любили именно зеленый цвет. Отсюда и раскраска. Драгоценные камни прекрасно подходят для хранения огромного количества информации, которую они собирали по всему миру. Использовать можно любые, но... Всё верно – любимый цвет. Необходимые привилегии, облегчающие доступ к источникам информации, храмовники получили уже давно, ещё до создания первой общины. К моменту, когда их заслуги перед тремя королями[1] стали забываться они уже знали и умели достаточно, чтобы не обращать внимание на мелкие препятствия между ними и вожаками знаниями. Будь то отсутствие желания общаться у человека или подвал, путь к которому закрыт метровой толщины дверями и живыми заклинаниями[2].

Так или иначе, под крышами зелёных домиков, вокруг замков, наполненных изумрудами с зашифрованными в них тайнами, селились в основном люди, жажда знаний которых вошла в анекдоты даже глубже, чем буйный нрав моряков. Узнавать новое, познавать неведомое для них – лучший из наркотиков. Поэтому когда появляется трудноразрешимая загадка, большинство пускают слюни, как сладкоежки на торт за бронированной витриной магазина, лишённого входной двери. Сначала начинают искать каминную трубу, потом думают, как поломать стены, если уж окна разбить не выходит. В общем, лучше сразу все прояснить. Во избежа-

ние, так сказать.

– О себе я не помню совершенно ничего и, как мне сказали, вряд ли вспомню. Только душа помнит все, но её как-то пока не научились не то, что читать, даже просто найти не могут. Вроде бы в легендах есть упоминания о существах, которые могли видеть души. Ты из таких? Нет? Так я и думал. Все обрывки знаний о моем мире, записаны в одном из кристаллов, что лежит в замковой кладовой. Там можешь и посмотреть.

Мой ответ явно не понравился Неркасу. Хотя тот ничем не выдал своего недовольства, в храме познания такие вещи начинаешь понимать интуитивно. Я провел здесь почти год, ожидая подвоха со всех сторон и старательно наблюдая за чуждым для меня миром. Когда все ново и непонятно, поневоле будешь замечать больше остальных.

– Ну откуда мне – никчемному послушнику, – начал плакаться Неркас, – знать способ чтения камней. Это ж вы тут в старшем храме посвящены в такие тайны.

Начало монолога Неркаса вызвало у меня лишь вздох. Почему начало? Потому что после тона дознавателя и жалобщика идет лесть, далее пара фраз на отвлечённые темы, сопереживание проблемам и – снова лесть. Следующий шаг – по обстоятельствам. Эту схему выведывания информации тут даже дети знают – «Подбери ключик» называется.

– Слушай, ты ж вроде обычный послушник, а кристаллы читать только храмовники могут, – глаза Неркаса начали

расширяться в удивлении, плавно переходящем в восхищение. Он даже рот приоткрыл. Актёр, что и говорить. – Это ж получается, что...

– А ты нет, – не дал ему сказать больше ни слова, начался этап лесты, а храмовники в этом деле большие мастера, ещё попаду под влияние, а это считай позорное пятно. Уходить из храма под такое прощание как-то не хочется.

– А? – неловко брякнул Неркас. Рот парня так и остался открытым. Теперь уже я смотрел на него, как на соседа, который уклоняется от возврата копеечного долга – насмешливо, с примесью легкого превосходства.

– Ко мне во время медитации бесшумно подойти могут только хранитель зала познания и пара охотников храма, из тех, кого я видел, ну и ты тоже смог. Так что, на «никчемного послушника», извини, не тянешь. А вот я – простой гость сей обители.

Дело в том, что медитации, которым обучают в храме познания всех желающих, несколько специфичны. Они направлены на обострение всех чувств. Достигается такое при помощи специальной техники дыхания и особого мысленного настроя. Ничего сложного, однако всё окружающее пространство начинает кричать и шептать, рассказывая о себе. Ни один предмет не остается незамеченным. Я ощущал все в радиусе четырёх – пяти метров, послушники храма отслеживали все на расстоянии до двух десятков метров вокруг, охотники... ну, тут сложно сказать. Не меньше сотни мет-

ров. Максимум неясен.

Слова возмущения, готовые вырваться изо рта Неркаса остановил окрик Перса (того самого хранителя зала познания), раздавшийся из-за декоративного куста.

– Неркас, ты уже проиграл. Не удалось тебе подобрать ключик, так что двигай сюда, Молниеносный.

Почему-то захотелось по-детски отомстить за тупую шутку про имя, при помощи другой – не менее глупой.

– И где же ты носишь молнию, Молниеносный?

За кустом хрюкнули, потом еще раз. Неркас побледнел и начал с подозрением поглядывать то на меня, то на хрюкающий куст. Рука его непроизвольно погладила задний левый карман штанов. Я усмехнулся.

– Что гладишь? В кармане заднем носишь?

Из-за куста раздался хруст ломающихся веток, а Неркас замер, испуганно глядя. Я понял, что чего-то не понимаю.

– Что, правда, в кармане носишь?

Под жалобный хруст веток из куста на карачках выполз Перс. Со слезами на глазах, он беззвучно смеялся, иногда похрюкивая от переизбытка чувств.

– В кармане... – пищал хранитель зала познания, постепенно распрямляясь в конвульсивных содроганиях на земле. – В заднем...

Непонимание начинало злить.

– Да что смешного? Можно подумать она у него в задниц-хмрпф...

Теперь мне не дали договорить. Крепкая рука сжала воротник так, что дыхание перехватило. Перс, которого за этот год даже улыбающимся никто не видел, как-то всхлипнул и затих, распластавшись на земле. Я перевел взгляд на Неркаса и невольно дернулся. От мужчины, который наловчился притворяться подростком, хотелось спрятаться подальше. Покрасневшее лицо и полный ярости оскал, приковывали к себе внимание, даже когда он одной рукой легко оторвал меня от земли. Силач подтянул к себе и прорычал:

– Если ты хоть кому-нибудь проболтаешься о том, что тут было, считай себя трупом.

После этого Неркас подхватил под мышку безвольное тело Перса и потопал в сторону замка, выходя из парковой зоны. Ошеломленный, я сел на землю, с наслаждением вдыхая ставший таким сладким воздух, и первый раз задумался о том, что возможно не зря назначил уход из храма познания именно на этот день. Взгляд сам собой возвращался к спине Неркаса, исчезающей из зоны видимости. С такими новичками лучше не связываться.

Больше к медитации вернуться не удалось, настрой не тот. Вещи уже все собраны, пора уходить. Прощаться здесь не принято, все, кому надо, знают, что я ухожу этим утром. Ещё бы они не знали. Сами же прямым текстом и сказали «Пора тебе вливаться в общество, иди учиться в Гор». Мешок с завязанным горлом на плечо и вперед в славный город Арлен. Оттуда по воздуху на дирижабле, если встретится капитан

Грап – хороший знакомый Перса и скинет цену на билет. Если нет – придется ехать на скоростном дилижансе или ещё как-нибудь. Лиха беда – начало, а там видно будет.

Дорога легко крутилась под ногами. Вокруг расстилались покрытые сочной зеленой травой равнины, на которых часто встречались небольшие рощицы. Все Марийское Царство выглядело так: травы и деревья. Дышалось легко. Климат здесь мягкий, а зимы редко бывают чересчур холодными. Ласковое солнце приятно грело мою бледную кожу. Почему на меня не ложился загар, было совершенно не ясно. Были разные теории, но ни одна так и не подтвердилась.

Год затворничества в зеленых домах сказался – всё вокруг было интересным. Не проходило и минуты, чтобы у меня не вырвался радостный вздох – от вида причудливой травы или замеченной головы какого-нибудь зверька. К полудню вышел на холм, с которого отлично был виден Арлен. От холма дорога плавно опускалась к реке, поворачивала направо. Там виднелся мост. Дальше тракт становился мощным и в своей броне из неровных камней направлял путников прямо к воротам города.

Жара стояла невероятная, а река манила солнечными бликами на своей поверхности. Решение искупаться всплыло само собой. Пара нырков в ледяную реку с сильным течением, и вот – я уже быстро натягиваю легкую одежду бледно-зеленого цвета на мокрое и дрожащее тело. Дальше дорога пошла быстрее, одежда промокла, впитав влагу с тела,

и даже в такую жару сохла очень медленно. Дорога, короткое купание, снова дорога... Путь к переправе должен был занять пару часов времени, но растянулся на все три.

Сам мост каменный, прочный, надёжный с невысокими бортиками из серого камня. Я переходил его с широкой улыбкой. Не успел отойти от моста даже на сотню метров как услышал стук копыт сзади, неторопливо развернулся и резко отскочил в сторону. Всадники мчались на распротах, стремительно приближаясь. В арьергарде один из них резко вырвался вбок на синем коне, обгоняя попутчиков. Азартная улыбка на его лице сменилась испугом, когда он увидел на своей дороге невысокого меня. Столкновение сделает его убийцей, а закон здесь весьма суров. И быть бы мне мертвым, если бы за мгновение до столкновения чья-то нога мимоходом не заехала в моё ухо, отбрасывая ещё дальше от дороги.

Когда в голове перестало гудеть, попытался встать. Получилось только сесть. Всадников видно уже не было. А даже если бы и видел их, что бы это дало? Распроты необычайно быстры, а владельцы их как минимум знатны. Если же это гонцы, то рассчитывать на справедливое наказание обидчиков не приходится. В случае моей смерти, их не спасли бы никакие уловки. Прячь труп, не прячь. Будь ты хоть сын правителя – найдут и покарают. А так, жив человек? Жив. Ах, голова болит? Ну, ничего страшного, потерпишь. Доберись до людей, попроси помощи, авось не откажут.

В этот момент вспомнился один прием из арсенала зеленого храма, который должен принести чистую, незамутненную ясность в голову и очистить чувства. Пару раз вздохнул и приступил к несложным действиям. Сосредоточился на маятниковом дыхании, отрешился от окружающего мира и скрутил воображаемый поток силы разума в комок, заставляя его вспыхнуть зелеными искрами перед внутренним взором. Видимо, что-то пошло не так, потому что в голове обосновалась чистая, незамутненная, ясная и очищенная боль. Сознание затопила успокоительная темнота.

Неркас был в ярости. Тысячу лет назад, он с двумя друзьями получил дар вечной молодости от графини Геяна. Тогда он был совсем юнцом, и попросил у могущественной ат'сзена сделать его молниеносным. В чем там было дело, Неркас уже даже не помнил – столько лет прошло! – но вместо того, чтобы наделить его скоростью, графиня одарила обидным ударом электрического разряда. Прошла уже тысяча лет, а он все так же отчетливо ощущал этот миг при упоминании своего прозвища. Сегодня старый друг выставил его на посмешище перед сопляком, и должен за это ответить.

Возле двери в главный замковый зал Неркас положил тело Перса на плечо. Не дело тащить под мышкой старого товарища, даже если он порядочная сволочь. Уверенным ша-

гом Неркас прошел между двумя рядами высоких колонн к противоположной стене. Из пяти дверей, расположенных там, ему была нужна вторая слева. Открыть ее могли лишь трое основателей зеленого храма – все прочие рисковали расстаться с жизнью лишь стоя рядом.

Неркас легко толкнул дверцу рукой. Могучие заклятья успокоились, как цепные псы от ласки хозяина. В открывшемся коридоре было темно, но это совершенно не мешало тому, кто строил эти стены из обтесанного камня много лет назад. Спустившись по лестнице Неркас вышел на площадку с тремя арками прохода, повернулся к правой, но его остановил очнувшийся Перс.

– Не туда, иди в средний.

Неркас раздраженно сбросил друга с плеча на пол.

– Показывай дорогу, раз очнулся.

– Уй, – Перс кряхтел, поглаживал ушибленный локоть, – поаккуратнее нельзя было?

– Нельзя! – прорычал Неркас.

– Эй, тише ты. Некоторые ловушки реагируют на шум. Как потом обходить завалы?

– Как хочешь, так и обходи, мне здесь делать нечего.

– О, – Перс возбужденно потер ладони, – вот тут ты ошибаешься. Идем скорее.

– Может, уже скажешь, зачем ты меня вызвал сюда?

– Не хочу портить сюрприз.

– Никогда не понимал твоего желания играть в тайны.

Неркас ворчал больше по привычке, он знал друга лучше кого бы то ни было. Если тот втемяшил себе в голову что-то, образумить его было невозможно. С каждой секундой Перс наращивал темп и сейчас почти бежал по коридорам. Налево, налево, направо, прямо... Неркас знал лабиринт наизусть, к центральному помещению вело несколько пересекающихся безопасных маршрутов, но места расположения ловушек Перс лично менял каждый месяц. Потому даже имея карту подземелий, злоумышленник не смог бы пробраться в святая святых зеленого храма.

– Ну как, готов? – в глазах Перса Неркас заметил неудержимое возбуждение. – Та-дам!

Неркас смотрел и не мог понять причины радости друга. В огромной пещере на срезанных верхушках сталагмитов лежали слегка светящиеся изумруды. В каждом из них были собраны все воспоминания того или иного человека. Охотники храма охотились не за дичью, а за знаниями. Всем в трех королевствах это было известно, но мало кто знал, чем занимаются лучшие из них. Зачем они нанимаются на службу к сильным мира сего, и даром выполняют их поручения. Все ради единственной цели – улучшить момент и скопировать всю память человека, облеченного властью. Разум людей имеет свой предел, не так сложно предсказать, как поступит человек, если иметь о нем достаточно информации.

Неркас перевел взгляд на свод пещеры – туда, где переливался сгусток ярко зеленой энергии – зародыш воплоще-

ния силы. Когда тысячу лет назад трое друзей спросили у одной из вечных как создать такую вещь, которая могла бы предупреждать людей о грядущих бедах и помогать их избегать, ат'сценара лишь посмеялась. Рецепт оказался прост. Вот только, заставить людей поверить, что существует некое божество. Сделать так, чтобы сила их веры воплотила нечто в материальный мир – задача не на один век. А ведь еще нужно было заставить их видеть в пока несуществующем воплощении силы определенные черты характера – благородство, заботу о людях, всезнание... Иначе говоря, от веры людей, от их чувств относительно зеленого храма зависело, каким именно станет новое божество. Эта мысль заставила тысячелетнего мужчину скрежетать зубами. Один из бывших охотников так испортил репутацию храму познания, что даже подумать страшно каким характером обладало бы воплощение силы познания, случись ему появиться на свет сейчас.

– Ну, и? Что ты хотел мне показать?

– Сейчас-сейчас, – Перс торжественно прошел к центру пещеры и вывел из-за широкого – в четыре обхвата каменного зуба пещеры маленькую девочку. – Позволь познакомить тебя с Мальвой – воплощением силы познания.

Сердца Неркаса заполнил холод. Он внимательно осмотрел девчушку. На вид – года четыре, не больше. Из-под ночной рубашки торчат маленькие босые ножки, наивные распахнутые глаза смотрят на Неркаса требовательно-выжидающе, а ручки вцепились в полы матерчатого плаща Перса.

– Правда же, она прелесть? – взгляд Перса лучился обожанием. – Извини за эту сцену с твоим прозвищем, но Мальва сказала, что Искантерлнамзиас должен покинуть зеленый храм сегодня утром. Я подумал, что после знакомства с тобой настоящей натурой он ни на секунду не задержится.

– Можно было сказать ему, чтобы выметался. – Неркас чувствовал себя обиженным. Раньше Перс более трепетно относился к чувствам друга. – И что значит «Мальва сказала»? Она уже может говорить?

– Не только! – во взгляде, словах, движениях Перса появилась лихорадочная одержимость. Неркас насторожился, с его другом явно происходит что-то странное. – Она не только говорит, Неркас. Мальва сделала первое предсказание! Тысяча лет ожидания принесла, наконец, плоды, теперь мы сможем уберечь мир от множества проблем. Она пока не может предчувствовать катаклизмы, но если связать ее с некоторыми животными...

– Стой, Перс, о чем ты говоришь, какое предсказание? – тревога внутри Неркаса из небольшого холодка выросла до куска льда.

– Разум людей имеет свой предел, – от звонкого голоса Мальвы Неркас вздрогнул. Для тысячелетнего мужчины было жутко слышать эхо своих мыслей из уст маленького ребенка. – Мальчик, которого вы зовете Искантерлнамзиас, чужд этому миру. Он не связан ни с кем узами родства или долга, его можно направить любой дорогой.

– Знал бы ты, скольких сил мне стоило не дать ему вспомнить свою прошлую жизнь. Приходилось постоянно проверять, чтобы он не задумался, о чем-нибудь лишнем. Искантерлнамзиас должен был покинуть наш храм сегодня и попасть в Арлен до заката. Иначе он столкнется с чем-то жутким, его судьба будет связана со служителем некой чудовищной силы. Последствия этого будут кошмарны. Для всех нас.

[1] Три короля – Магнус Великий II, Арсчпир Хозяин гор и пустынь, Семивластный Зуркиг – правители соответственно Марийского Царства, Пирвии и Дастанорту. На тайной встрече узнали о заговорах против их власти от будущих основателей храма познания, после чего вместе прошли через трудности и настолько сдружились, что заключили Вечный Мир между своими странами. Марийцы известны своими учеными, пирвийцы – вояками, жители дастанорту – торговцами. С тех пор эти страны существуют в странном симбиозе и часто воспринимаются как одна. Их часто обобщают, называя «три королевства».

[2] Живое заклинание или посмертное заклинание создается с использованием всей жизненной силы мага и привязывает его душу к месту чародейства, из-за чего такие заклинания не теряют силы от времени. Маг, сотворивший заклятие остается неупокоенным призраком и несет стражу, часто убивая непрошенных гостей, и испытывая чудовищные муки, если не удастся выполнить свою задачу.

Глава 2

Дорога легко крутилась под ногами. Вокруг расстилались покрытые сочной зеленой травой равнины, на которых часто встречались небольшие рощицы. Все Марийское Царство выглядело так: травы и деревья. Дышалось легко. Климат здесь мягкий, а зимы редко бывают чересчур холодными. Ласковое солнце приятно грело мою бледную кожу. Почему на меня не ложился загар, было совершенно не ясно. Были разные теории, но ни одна так и не подтвердилась.

Год затворничества в зеленых домах сказался – всё вокруг было интересным. Не проходило и минуты, чтобы у меня не вырвался радостный вздох – от вида причудливой травы или замеченной головы какого-нибудь зверька. К полудню вышел на холм, с которого отлично был виден Арлен. От холма дорога плавно опускалась к реке, поворачивала направо. Там виднелся мост. Дальше тракт становился мощным и в своей броне из неровных камней направлял путников прямо к воротам города.

Жара стояла невероятная, а река манила солнечными бликами на своей поверхности. Решение искупаться всплыло само собой. Пара нырков в ледяную реку с сильным течением, и вот – я уже быстро натягиваю легкую одежду бледно-зеленого цвета на мокрое и дрожащее тело. Дальше до-

рога пошла быстрее, одежда промокла, впитав влагу с тела, и даже в такую жару сохла очень медленно. Дорога, короткое купание, снова дорога... Путь к переправе должен был занять пару часов времени, но растянулся на все три.

Сам мост каменный, прочный, надёжный с невысокими бортиками из серого камня. Я переходил его с широкой улыбкой. Не успел отойти от моста даже на сотню метров как услышал стук копыт сзади, неторопливо развернулся и резко отскочил в сторону. Всадники мчались на распротах, стремительно приближаясь. В арьергарде один из них резко вырвался вбок на синем коне, обгоняя попутчиков. Азартная улыбка на его лице сменилась испугом, когда он увидел на своей дороге невысокого меня. Столкновение сделает его убийцей, а закон здесь весьма суров. И быть бы мне мертвым, если бы за мгновение до столкновения чья-то нога мимоходом не заехала в моё ухо, отбрасывая ещё дальше от дороги.

Когда в голове перестало гудеть, попытался встать. Получилось только сесть. Всадников видно уже не было. А даже если бы и видел их, что бы это дало? Распроты необычайно быстры, а владельцы их как минимум знатны. Если же это гонцы, то рассчитывать на справедливое наказание обидчиков не приходится. В случае моей смерти, их не спасли бы никакие уловки. Прячь труп, не прячь. Будь ты хоть сын правителя – найдут и покажут. А так, жив человек? Жив. Ах, голова болит? Ну, ничего страшного, потерпишь. Доберись

до людей, попроси помощи, авось не откажут.

В этот момент вспомнился один прием из арсенала зеленого храма, который должен принести чистую, незамутненную ясность в голову и очистить чувства. Пару раз вздохнул и приступил к несложным действиям. Сосредоточился на маятниковом дыхании, отрешился от окружающего мира и скрутил воображаемый поток силы разума в комок, заставляя его вспыхнуть зелеными искрами перед внутренним взором. Видимо, что-то пошло не так, потому что в голове обосновалась чистая, незамутненная, ясная и очищенная боль. Сознание затопила успокоительная темнота.

Неркас был в ярости. Тысячу лет назад, он с двумя друзьями получил дар вечной молодости от графини Геяна. Тогда он был совсем юнцом, и попросил у могущественной ат'сзена сделать его молниеносным. В чем там было дело, Неркас уже даже не помнил – столько лет прошло! – но вместо того, чтобы наделить его скоростью, графиня одарила обидным ударом электрического разряда. Прошла уже тысяча лет, а он все так же отчетливо ощущал этот миг при упоминании своего прозвища. Сегодня старый друг выставил его на посмешище перед сопляком, и должен за это ответить.

Возле двери в главный замковый зал Неркас положил тело Перса на плечо. Не дело тащить под мышкой старого то-

варища, даже если он порядочная сволочь. Уверенным шагом Неркас прошел между двумя рядами высоких колонн к противоположной стене. Из пяти дверей, расположенных там, ему была нужна вторая слева. Открыть ее могли лишь трое основателей зеленого храма – все прочие рисковали расстаться с жизнью лишь стоя рядом.

Неркас легко толкнул дверцу рукой. Могучие заклятья успокоились, как цепные псы от ласки хозяина. В открывшемся коридоре было темно, но это совершенно не мешало тому, кто строил эти стены из обтесанного камня много лет назад. Спустившись по лестнице Неркас вышел на площадку с тремя арками прохода, повернулся к правой, но его остановил очнувшийся Перс.

– Не туда, иди в средний.

Неркас раздраженно сбросил друга с плеча на пол.

– Показывай дорогу, раз очнулся.

– Уй, – Перс кряхтел, поглаживал ушибленный локоть, – поаккуратнее нельзя было?

– Нельзя! – прорычал Неркас.

– Эй, тише ты. Некоторые ловушки реагируют на шум.

Как потом обходить завалы?

– Как хочешь, так и обходи, мне здесь делать нечего.

– О, – Перс возбужденно потер ладони, – вот тут ты ошибаешься. Идем скорее.

– Может, уже скажешь, зачем ты меня вызвал сюда?

– Не хочу портить сюрприз.

– Никогда не понимал твоего желания играть в тайны.

Неркас ворчал больше по привычке, он знал друга лучше кого бы то ни было. Если тот втемяшил себе в голову что-то, образумить его было невозможно. С каждой секундой Перс наращивал темп и сейчас почти бежал по коридорам. Налево, налево, направо, прямо... Неркас знал лабиринт наизусть, к центральному помещению вело несколько пересекающихся безопасных маршрутов, но места расположения ловушек Перс лично менял каждый месяц. Потому даже имея карту подземелий, злоумышленник не смог бы пробраться в святая святых зеленого храма.

– Ну как, готов? – в глазах Перса Неркас заметил неудержимое возбуждение. – Та-дам!

Неркас смотрел и не мог понять причины радости друга. В огромной пещере на срезанных верхушках сталагмитов лежали слегка светящиеся изумруды. В каждом из них были собраны все воспоминания того или иного человека. Охотники храма охотились не за дичью, а за знаниями. Всем в трех королевствах это было известно, но мало кто знал, чем занимаются лучшие из них. Зачем они нанимаются на службу к сильным мира сего, и даром выполняют их поручения. Все ради единственной цели – улучшить момент и скопировать всю память человека, облеченного властью. Разум людей имеет свой предел, не так сложно предсказать, как поступит человек, если иметь о нем достаточно информации.

Неркас перевел взгляд на свод пещеры – туда, где пере-

ливался сгусток ярко зеленой энергии – зародыш воплощения силы. Когда тысячу лет назад трое друзей спросили у одной из вечных как создать такую вещь, которая могла бы предупреждать людей о грядущих бедах и помогать их избегать, ат’сценара лишь посмеялась. Рецепт оказался прост. Вот только, заставить людей поверить, что существует некое божество. Сделать так, чтобы сила их веры воплотила нечто в материальный мир – задача не на один век. А ведь еще нужно было заставить их видеть в пока несуществующем воплощении силы определенные черты характера – благородство, заботу о людях, всезнание... Иначе говоря, от веры людей, от их чувств относительно зеленого храма зависело, каким именно станет новое божество. Эта мысль заставила тысячелетнего мужчину скрежетать зубами. Один из бывших охотников так испортил репутацию храму познания, что даже подумать страшно каким характером обладало бы воплощение силы познания, случись ему появиться на свет сейчас.

– Ну, и? Что ты хотел мне показать?

– Сейчас-сейчас, – Перс торжественно прошел к центру пещеры и вывел из-за широкого – в четыре обхвата каменного зуба пещеры маленькую девочку. – Позволь познакомить тебя с Мальвой – воплощением силы познания.

Сердца Неркаса заполнил холод. Он внимательно осмотрел девчушку. На вид – года четыре, не больше. Из-под ночной рубашки торчат маленькие босые ножки, наивные распахнутые глаза смотрят на Неркаса требовательно-выжида-

юще, а ручки вцепились в полы матерчатого плаща Перса.

– Правда же, она прелесть? – взгляд Перса лучился обожанием. – Извини за эту сцену с твоим прозвищем, но Мальва сказала, что Искантерлнамзиас должен покинуть зеленый храм сегодня утром. Я подумал, что после знакомства с тобой настоящей натурой он ни на секунду не задержится.

– Можно было сказать ему, чтобы выметался. – Неркас чувствовал себя обиженным. Раньше Перс более трепетно относился к чувствам друга. – И что значит «Мальва сказала»? Она уже может говорить?

– Не только! – во взгляде, словах, движениях Перса появилась лихорадочная одержимость. Неркас насторожился, с его другом явно происходит что-то странное. – Она не только говорит, Неркас. Мальва сделала первое предсказание! Тысяча лет ожидания принесла, наконец, плоды, теперь мы сможем уберечь мир от множества проблем. Она пока не может предчувствовать катаклизмы, но если связать ее с некоторыми животными...

– Стой, Перс, о чем ты говоришь, какое предсказание? – тревога внутри Неркаса из небольшого холодка выросла до куска льда.

– Разум людей имеет свой предел, – от звонкого голоса Мальвы Неркас вздрогнул. Для тысячелетнего мужчины было жутко слышать эхо своих мыслей из уст маленького ребенка. – Мальчик, которого вы зовете Искантерлнамзиас, чужд этому миру. Он не связан ни с кем узами родства или долга,

его можно направить любой дорогой.

– Знал бы ты, скольких сил мне стоило не дать ему вспомнить свою прошлую жизнь. Приходилось постоянно проверять, чтобы он не задумался, о чем-нибудь лишнем. Искантерлнамзиас должен был покинуть наш храм сегодня и попасть в Арлен до заката. Иначе он столкнется с чем-то жутким, его судьба будет связана со служителем некой чудовищной силы. Последствия этого будут кошмарны. Для всех нас.

– Какие последствия, Перс? Я не понимаю тебя. О каком служителе ты говоришь? Наш мир далеко не безобиден, но во всех трех королевствах не найдется...

– Нет больше трех королевств, Неркас. Ты не заметил? Миролюбивые марийцы презирают «богатеев из Дастанорту», а пирвийцев считают «тупыми вояками». Пирвийцы причисляют бывших братьев к паразитам, что пользуются благами мирной жизни, за которую было уплачено кровью подданных владыки гор и пустынь, – голос Перса стал слишком тихим, уголки губ дрожали, глаза смотрели в никуда. Заметив это Неркас все понял, – А потомки колдунов Дастанорту...

– Что за предсказание она сделала Перс? Не молчи, друг, расскажи мне.

Перс молчал, его губы беззвучно шептали что-то.

– Я покажу тебе, – Мальва быстро пошлепала по влажному дну пещеры. Перс дернулся, в попытке остановить её, но девчушка растворилась в воздухе. В следующий миг она ока-

залась возле Неркаса.

– Он должен это увидеть, чтобы понять, – головка отвернулась от Перса бессильно повесившего руки, теперь изумрудные глаза смотрели в самую суть Неркаса. – Дай руку.

Неркас сжал протянутую ладошку, успел удивиться ее холоду, а затем его закружило в вихре видения. Радостные лица жителей трех королевств; веселый смех детей, гоняющих старого пса; лица воинов, несущих стражу на границе. Жители Пирвии, Марийского Царства и Дастанорту были перемешаны, как цветные конфеты на витрине кондитера. Все изменилось в один миг. Пузатый купец с добродушным лицом лил отраву в деревенский колодец, на границе пепельно-волосые пирвийцы резали спящих сослуживцев, марийские маги творили сложное колдовство в землях Дастанорту. По земле стелился туман, в котором мелькали гибкие тела человекоподобных чудовищ, небо закрыли тучи крылатых тварей, под землёй рыли норы дети забытых богов... Огонь, туман, яд клыков, пронзающих плоть, смерть, отчаяние... И яркий росчерк понимания – этого ещё не случилось. Шанс исправить всё есть, но это лишь ничтожный шанс избежать кошмарного будущего.

Неркас с трудом поднимался с ледяного пола пещеры, перед глазами мелькали обрывки видений. Мальва стояла рядом, ни тени эмоций на лице. Неркас ощутил её чуждость. Она не человек, а внешность – лишь маска, оболочка. Вызов от Перса пришел неделю назад, если все это время Мальва

показывала ему такие кошмары, состояние друга становится понятным.

Назад друзья шли молча, воплощение силы осталось в пещере. Лицо Перса снова застывало каменной маской.

– Неркас, не стоит пугать послушников.

Он лишь кивнул другу. Перс смотрел с пониманием и раскаянием.

– Я не хотел, чтобы ты это видел. Твоя комната готова, поднимайся, как успокоишься.

Перс ушел, а Неркас прислонился к одной из колонн главного зала. Холодная. Но этот холод свой, родной – не такой, как холод маленькой белой ладошки. Отдышавшись, мужчина пошел дальше. В комнату он не вошел, а ввалился. Всю ночь ехал верхом, поэтому теперь одолевала сонливость. Неркас только радовался возможности погрузиться в сон. Чувство безнадежности и отчаяния из видения что-то надломило в нём. Спать, спать... Говорил ему внутренний голос. Неркас тряхнул головой, чтобы не свалиться от усталости прямо на пол.

Из окна одуряюще пахло весенними травами, провожали уходящий день громкоголосые птицы, тоска отпускала. Неркас выглянул в окно. По дороге шёл послушник, присел на лавочку напротив окна Неркаса. Молодой ещё.

Основатель зелёного храма улыбнулся, наблюдая за начинающим медитацию юношей. Словно почувствовав взгляд, тот поднял на Неркаса широко распахнутые изумрудные гла-

за. Её глаза...

Неркас отшатнулся от окна, задернул занавеску.

– А ведь все послушники проходят инициацию, которая связывает их... с ней? И медитация создавалась, как способ передать воплощению силы информации о мире. Каждый член зеленого храма – её глаза и уши...

Внутри Неркаса появилась твердая уверенность – не всё так просто с этой Мальвой. Мужчина с опытом в тысячу лет выбирался из-под мягкого савана сонливости.

– Отставить сон, – Неркас подошел к стене, окинул гобелен и вдавил кнопку потайного механизма. – Что-то здесь не так. Посмотрим, чем живет храм познания Марийского Царства[1].

Мужчина нырнул в темный провал тайного хода, там он двигался чрезвычайно тихо. Теперь каждый послушник мог оказаться невольным шпионом, а Неркас ещё не знал, можно ли доверять этой Мальве.

– Кого же мы создали: спасителя человечества или очередного монстра?

[1] Всего храмов познания три – по одному в каждом из трех королевств. Тот, что находится в Марийском Царстве называется старшим, поскольку в нем расположено воплощение силы «познания». Сам факт попыток основателей создать столь могущественное существо – самая большая тайна зеленого храма.

Глава 3

Когда я очнулся, вокруг раскинулись вечерние тени. Вытер кровь, брызнувшую из носа, осмотрел себя. Пыль, налипшая на мокрую одежду, превратилась в вязкую грязь. Чтобы подняться на ноги и проковылять пару километров пути до ворот города понадобилось три остановки и пятнадцать тяжелых вздохов.

Возле ворот остановили стражники – четверо мужчин, один седоусый, постарше, и трое молодых. Все – в кожаных доспехах, с приделанными металлическими пластинами. Предплечья защищены наручами. На поясах короткие мечи, за спиной щиты. На поясах мощные бляхи с символом Арлена – разломанной короной.

– Кто, откуда, куда? – стандартные вопросы. Формальность – не более.

– Искантерлнамзиас, из храма познания – в Гор. Надолго в городе не задержусь, – на стражника я не смотрел. Слева было куда более завлекающее зрелище: облака, окрашенные в золотисто-красный цвет, манили, притягивали взгляд.

– Проходи, – уронил слово Седоусый, пропуская измученного меня под защиту гостеприимных стен города, когда откуда-то сбоку раздался растянутый возглас.

– Не спешите. Уже ведь моя-я-я сме-е-ена. А значит,

и пропустить его, после опроса должен и-и-именно я-я-я.

Седоусый нахмурился, закатил глаза и подошел к вальяжно выплывавшему из темноты стражнику – жилистому, с улыбкой предвкушения на смуглом лице. Пара фраз эмоциональным шепотом и седоусый, махнув рукой, увел свой молодняк внутрь города. К жилистому присоединились ещё трое вояк. Все четверо выглядели внушительно и серьезно, как и положено страже. Опять стандартные вопросы: откуда и с какой целью путник направляется в цветущий Арлен. Я ответил и в свою очередь поинтересовался, почему это Арлен «цветущий», если всегда был «гордым»[1]. Вместо ответа получил счастливую улыбку жилистого. А когда спросил, к чему такой допрос, был одарен ещё более довольным оскалом и новым шквалом вопросов.

Так и тянуло бросить всё, и уйти куда подальше от приста-вучего стража, но в город хотелось больше. Над массивными воротами зажгли огонь в нескольких металлических тарелках подвешенных на цепях. Дрова, облитые маслом, трещали и слегка чадили, распространяя вокруг на удивление приятный аромат. Такой хорошо отгоняет комаров и мошкарю. Стражи не должны отвлекаться от долга службы на раздражающее воплощение вселенского зла.

Блики на дереве врат, блестящем от пропитки алхимическими составами, вызывали неприятные чувства. Заходящее солнце мигнуло последним лучом, скрываясь за горизонтом. Красиво.

Страж продолжал мучить меня своими придирками. Азарт в глазах жилистого намекал на бессонную ночь возле ворот или ночевку в дорожной пыли.

– Слушайте! Да что вы ко мне прицепились-то а? Я просто хочу зайти в город, нормально выспаться и пойти дальше своей дорогой, – раздражение перебороло даже усталость.

– Ага-а-а, – довольно протянул жилистый, – нестыковочка. А говорил, что собираешься полететь или поехать, про пеший путь и речи не было. Что ж, наверное, нам следует начать снача-а-ала.

Но не успел он пойти по новому кругу мучений вопросами, как ворота города открылись, выпуская всадников на распротах. Тех самых, из-за которых я так плохо себя чувствовал. В неровном свете факелов рассмотреть эту шестерку было трудно, но негодяя, который меня чуть не затоптал, узнал сразу, как и он меня. Пока думал, кто из остальных заехал мне в ухо ногой, этот лихач бросил монету. Поймать ее не удалось из-за плохого самочувствия.

– Надеюсь, ты не в обиде за недавнее происшествие? Этого должно быть достаточно для возмещения причиненного вреда.

В следующий миг всадники рванули по дороге, только лихач чуть задержался, чтобы увидеть моё шокированное лицо, когда я поднял монету и резво ускакать за остальными с криком «Не стоит благодарности».

– Благодарности? – пролепетал я, затем повернулся к жи-

листуому стражу и, не выпуская из руки монеты, спросил – Я что, так плохо выгляжу?

Моё удивление стало понятно стражам после того, как они рассмотрели сокровище, которым одарил лихач. Вот уж действительно не стоит благодарности. В руке я держал мелкую монетку с решеткой на одной стороне и неровным кругом на другой. Эта монета называлась «тит» и была сделана из достаточно тяжёлого сплава. Заковыристые составы сплавов для денег – один из первых способов защититься от фальшивомонетчиков. Прогресс не стоит на месте и уже изобретено немало отличных способов маго-технической защиты от подделывания валюты, однако и старыми[2] деньгами продолжали пользоваться. Только из-за низкой защищенности они сильно упали в стоимости. Так что и подделывать их не было никакого смысла. Конкретно этот экземпляр «старых» денег был около сантиметра в диаметре.

Мелкими их делали из-за большого веса этого сплава, и стоимость их была также наименьшая. Такую монету даже нищим попрошайкам не бросали, потому как купить что-нибудь, имея пусть даже на десяток таких монет, было невозможно. Минимальный номинал среди «новых» денег был «купец» и стоил он порядка нескольких тысяч этих титов. За одного купца можно было приобрести несколько караваев хлеба или один не слишком большой кусок мяса, крынку молока или новенькое красивое писчее перо. Купить несколько сотысячную часть чего-нибудь из этого, разумеется, нельзя,

поэтому подобный откуп иначе как издевательством и не назовешь. Я бы и не знал про этот тит ничего, если бы не так тщательно готовился в храме к жизни в новом для себя мире. Громкий хохот жилистого, переводящего взгляд с монетки на моё ошарашенное лицо и обратно, оказался заразителен. Остальные стражи, растеряв серьезность, посмеивались вместе с ним.

– О-ох, похоже, не только я терпеть не могу зеленых пивок. Как присосутся со своими вопросами, так и жизни от них нет. Ну, каково почувствовать себя на месте своих жертв, а? И всё то вам надо вызнать. Ей-богу, надоели – слов нет, как пристанете, что те кровососы летучие пока вся кровь не выйдет – покоя не видать.

Меня так поразили смена манеры речи жилистого и неожиданная веселость, что я не сразу уловил смысл его слов.

– Погоди, – начал я понимать, – то есть ты всё это время держал меня здесь потому, что тебя достали зелёные «познаватели»?

– Именно! Я хотел, чтобы вы на своей шкуре почувствовали, как надоедают людям ваши допросы, а ещё...

В голове шумело. Не от боли, нет. Это была ярость. Я не слышал, что там ещё говорил этот страж. Все мысли занимали видения горячей ванной, чистой одежды, и лечебного амулета, которым в обязательном порядке оснащаются все комфортабельные гостиницы, а иных в Арлене и нет. Я ви-

дел, как они уплывают всё дальше, только лишь потому, что на мне храмовый тряпичный плащ зеленого цвета, сапоги охотников храма и бледно-зеленые рубаха и штаны. В лицо бросилась кровь, а в ушах заколотил набат в такт участвовавшим ударам сердца.

– ТЫ ИДИОТ!

На мгновение стражник даже растерялся, то ли не ожидал, что его назовут идиотом, то ли не мог поверить, что кричу на него именно я. Все-таки, когда на вас повышает голос некто едва достающий вам до груди – это... удивляет.

– Почему? ПОЧЕМУ?! Почему ты ни разу не спросил послушником какого храма познания я являюсь!?

– Да какая разница все вы зеленки помешанные на...

– Вот как? Все? – страж лишь кивнул, довольный собой, отчего у меня вылетел мученический вздох. – А знаешь, почему ты идиот?

– И почему же? – нахально улыбнулся страж.

– Потому что, я провел в старшем храме познания, почти год... В одном из трех старших храмов познания я почти год пробыл ГОСТЕМ, ПРИДУРОК! Меня каждый... Каждый светлый день доставали вопросами, потому что я потерял память. Надо мной измывались, заставляли изучать всякий бред, вроде ритуальных танцев дикарей и что в итоге? Я ничего... Ничегошеньки не вспомнил из своего прошлого, потому что в храме больше интересовались остатками моих знаний о другом мире[3], из которого я сюда попал, чем

пытались мне помочь. Хорошо хоть взамен научили пользоваться их странными книгами... Этими палками[4] и изумрудами... И разрешили доступ к информации об этом мире и кое-каким приемам из арсенала храмовников... Этим, как их... для укрепления памяти и обострения чувств, и ещё медитации...

С каждым мгновением все больше прерываясь и задыхаясь от гнева, рассказывал этому стражу, что я о нём думаю. Под конец уже не мог ничего говорить, только яростно хватать ртом воздух и обрывками жестов выражать негодование. Однако чувство неудовлетворенности распирало изнутри и, в конце концов, я бросился на стража, хоть и понимал всю глупость подобной затеи. Добежать до него так и не смог, уже на втором шаге, из разделявших нас пяти, споткнулся, поднял кучу пыли и беспомощно барахтаясь, закричал куда-то в небо от бессильной ярости. Это окончательно опустошило меня и помогло немного собраться с мыслями. Я снова мог рассуждать адекватно. Протянутую руку стражника, помогающего подняться, схватил уже с некоторым безразличием.

Через несколько минут мы с жилистым пили чай в караулке. На его неловкие попытки извиниться лишь махнул рукой «Проехали», и теперь просто успокаивался, приводя эмоции в порядок. Мысленно я уже просчитывал маршрут своего дальнейшего путешествия, но взгляд всё чаще возвращался к мелкому титу, вызывая в душе бессильную ярость. Мало того, что меня ударили и оставили на обочине в тяжелом со-

стоянии, так ещё и насмеваются. Что ж мир не так уж велик, даже спустя годы я буду помнить о доставленном унижении. Эта мысль принесла неожиданное успокоение – теперь было кого винить хотя бы в части бед.

– Меня Харрел зовут.

– Искантерлнамзиас.

– Иск... как?

– Можешь так и звать – Иск. Всё-таки моё имя сложно выговорить – не то что запомнить. Как мне пройти к стоянке дирижаблей? – вопрос, казалось, обрадовал Харрела.

– Нужно пройти через весь город по главной улице, дальше – возле выхода из города – повернешь налево. Увидишь площадь посадки воздушных кораблей. Там же и место для ночевки найти можешь. Я бы тебе тут переночевать предложил, но устав города... – страж лишь виновато пожал плечами. Я заметил, что он обводит пальцем контур шрама в форме звериного клыка на левой скуле. Нервничает что ли? Хотя какая разница, ничего страшного ведь не случилось. Попал в город чуть позже, делов то. Мир от этого не рухнет, а я и подавно.

Благодарно кивнул стражу и заторопился в путь. К счастью, голова уже не болела. То ли чай помог, то ли ещё что, но дальнейшую дорогу ничто не мешало продолжить. Главная улица была широкой, ровной и освещенной через каждые пятнадцать метров. Масляные фонари с магическим усилителем давали слабый свет, но этого хватало, чтобы не

спотыкаться о редкие выбоины на дороге и не потерять направление.

Арлен – отнюдь не маленький городок – тянулся на несколько десятков километров в каждую сторону от центральной площади, до которой я дошел к середине ночи, сопровождаемый лишь эхом от щелканья подбитых железом пяток сапогов. На площади невольно засмотрелся на окружающие её здания. Разного стиля, но неизменно привлекающие взгляд, необычные: пузатые с лепниной и острые, резкие с чётко обозначенной угловатостью, где даже стены не были ровными. Все они смотрелись чуждо рядом друг с другом. Однако при взгляде на всю площадь сразу создавалось впечатление удивительной гармоничности.

Все четыре фонтана в центре тихо журчали. Один большой, словно нависал над тремя поменьше, и эта несимметричность еще больше подчеркивала всю абсурдную красоту главной площади Арлена – старой столицы Марийского Царства. Новая столица – Скират – по слухам была больше и красивей. Неожиданно захотелось оказаться там прямо сейчас. Я поддался настроению и поспешно покинул столь необычную площадь, надеясь улететь на дирижабле ещё ночью, пусть и без скидки на билет.

Просто идти оказалось не вмоготу, поэтому засеменял легким бегом на носочках. Теперь уже совершенно бесшумно. Обувь, которой меня столь щедро одарили в храме познания, была окована на пятках и покрыта какой-то странной сло-

истой полупрозрачной кожей на остальной части подошвы. Голенище доставало почти до колена, и было покрыто множеством небольших бляшек. Между ними же растягивались нити веревки, которую при необходимости разматывали и использовали для самых разных целей. Ею можно связать пленника, спуститься с крыши какого-нибудь здания, распилить или скорее перетереть не очень толстые деревянные и даже металлические предметы. Очень особенная вещь. Окованная пятка была своеобразным оружием, а бесшумность являлась основой работы охотников храма, для которых и создавалась такая оригинальная обувь. Передвигаться так, чтобы не издавать ни звука металлической частью подошвы было выше моих сил, так что периодически в тишине ночи резкими вспышками раздавались звонкие звуки удара металла о камень.

Зелёный храм. Раньше к его услугам прибегали довольно часто, но шестьсот лет назад всё изменилось. Один из охотников, Закрин, расследуя кражу мелкой драгоценности, вывел на чистую воду взяточников в мелких и крупных городах. Попутно указал на членов тайного общества «Закрытые ворота», раскрыл попытку заговора против короны, добыл доказательства причастности самого короля к подстреканию бунта. Подобные вещи не внове для зеленого храма, однако Закрин объявил обо всём этом на площади перед дворцом в Скирате. Начались массовые волнения... В общем, лучше бы он не выносил сор из избы, особенно из чужой. Тем бо-

лее, если речь идёт о дворце. Неписанные правила игры оказались нарушены. Охотников храма познания после выходки Закрина начали побаиваться. Общаться с ними желания ни у кого не было. Их стали воспринимать не иначе как врагов народа трёх королевств.

Членов общества «Закрытых ворот» объявили виновными в череде убийств чародеев. Доказательств не было, но тайное общество проводило борьбу с различными сектами, призывающими иномировые сущности. Чародеи же в своих ритуалах призывали и подчиняли силу хаоса из-за границ самой Вселенной. Многих из «Закрытых ворот» тогда убили, но кто поручится, что уничтожили всех? Я все-таки тоже из другого мира. Пусть для местных десятков-другой пришельцев в год это практически норма, всё равно есть чего опасаться. Хуже фанатиков только здравомыслящие фанатики, а среди членов тайного общества, вероятно, было много умников, раз после изобличения Закрином они тихо растворились среди остальных людей.

За мыслями об охотниках я не заметил, как впереди появилась группа лиц. Улицы Арлена были пусты, в окнах виднелись отсветы магических ламп, слышался шум, но все это отделялось каменными стенами домов. Я вдруг почувствовал себя очень неуютно. Захотелось поскорее преодолеть участок со странной компанией из четырех человек. Я ускорился.

Обо что умудрился споткнуться на ровном, как зеркало,

участке дороги, так и не понял. Спешка сыграла против меня – пытаясь избежать ушибов, лихо перекувыркнулся через голову. Поскольку подобные упражнения в зеленом храме практиковать не доводилось, мои ноги буквально выстрелили вперед после кувырка. Когда закованная в металл пятка правого сапога врезалась в чью-то голень, я понял – сейчас меня будут убивать. Такая травма наверняка очень болезненна. Полу-стон полу-шипение пострадавшего только подтвердил опасения.

Я резво вскочил на ноги и увидел, как прежде мирно беседовавшие люди сцепились в драке, резко обменявшись несколькими ударами. Очевидно, моя неуклюжесть спровоцировала конфликт. Они на секунду разошлись, позволяя оценить расстановку сил. Моя случайная жертва, оказалась разбойничьего вида мужиком. Он прихрамывая, размахивал дубинкой, нещадно матерился и рычал. Рядом с ним стоял мужичок: босой, в одних штанах, с голым вываленным пузом и брелоком на шее. Напротив – здоровый бугай в коричневых штанах, куртке с капюшоном. Возле него стоит молодой парень в сером. Сапоги, широкие штаны и длинный плащ на голое тело – все одинакового оттенка. На поясе висели изогнутые ножны с короткими клинками. Эти – вторые – выглядели увереннее и шансов на победу, вроде бы, имели больше. Я помимо воли порадовался, что ударил не одного из них.

Тем временем, голопузый мужичок, схватил висящий на веревочке брелок и проткнул им кожу на левой стороне гру-

ди. Непонятное бормотание не казалось каким-то особенным, но кровь начала впитываться в предмет, наводя на мысли о колдовстве. Дождавшись пока он начнет отводить руку с брелоком назад, со страху я запустил в него своим дорожным мешком, отчего брелок снова воткнулся в тело голопузого.

«Раз уж этот колдовской амулет питается кровью, то пусть он и выпьет этого горе-колдуна до донышка...», – рассуждал я, глядя на странного бродягу.

Он безуспешно пытался вытащить опасную вещицу, по телу начали расплзаться черные разводы. В это время бугай из «моей группы» быстро сделал несколько шагов к хромоногому. Отмахнувшись от дубинки, он шумно выдохнул. Я с удивлением наблюдал за вылетевшей из-под капюшона короткой – не более полуметра – струёй пламени. Дважды покалеченный, взвыл от боли, хватаясь за лицо, и упал без сознания. Голопузый перестал дергать застрявший в груди брелок и с ревом бросился к парню в плаще. Тот слегка пошатывался, плохо ему что ли?

Я посчитал, что тоже должен внести более существенную лепту в общее дело, а то ведь парнишка в плаще хоть и выглядел лихо, но кто знает, на что способен этот колдун? Не так давно хитрый приём храма вместо облегчения принес голове невероятную боль. Я лихо повторил процедуру, но уже для противника. Немного концентрации, несложная последовательность мысленных действий и выброс энергии, как при закачке информации в камень. Посыл достиг голопузо-

го с небольшой задержкой, оставляя след в виде колебания воздуха, а затем он взвыл от боли и упал на колени.

«Всё. Дело сделано», – стоило мне об этом подумать, как голопузый начал подниматься. В этот момент стало очень страшно. То, что поднялось, с трудом можно было принять за человека. Половину потемневшего, словно подгоревшая бумага, торса покрывали странные символы. Глаза были наполнены чернотой, на руках появились толстые двухсантиметровые когти. Тварь оскалилась и зарычала, но черные клыки на фоне белизны остальных зубов напугали меня куда сильнее. Вот уж действительно, многие знания – многие печали. Именно такие клыки (удлиненные, темного цвета) были характерны для тех, кто получил благословение Милисатра – высшего демона боли. Тем, кто питал его болью, он давал силу и нечеловеческие возможности. Только теперь я понял, что натворил.

[1] Подобно тому, как короли получают народные имена-прозвища, так и городам присваиваются приставки. Марийцы считают, что у каждого города своя судьба, и если уж он ее показал себя городом веселья, то необходимо это подчеркнуть, дабы любому чужеземцу было ясно, чего ему ждать в том или ином месте. Если в поселения регулярно случаются какие-нибудь несчастья, то и подавно. Со временем, подобные названия стали носить статус полуофициальных. Иногда они даже упоминались в документах, если необходимо было как-то различить населенные пункты с одина-

ковыми или похожими названиями.

[2] Первыми применять магическую защиту к монетам стали купцы, выпустив новый номинал для расчетов внутри гильдии. За крупные поставки товаров было выгоднее расплачиваться несколькими монетами, чем несколькими сундуками золота. Долгое время «купеческие» монеты были самыми дорогими и надежными в трех королевствах. Затем несколько монет нового номинала выпустила группа дворян, посчитавших это делом престижа. Защита на их монетах была куда сложнее, чем на купеческих, но стоили «дворяне» и «дворянчики» лишь немногим больше «купцов». В конце концов за дело взялись маги и имперское казначейство. С тех пор валюта разделилась на старую и новую. Со временем старые деньги обесценились, а новые прочно заняли свое место в кошельках граждан.

[3] Множественность миров является обыденным фактом для местных жителей. О том, кто способен путешествовать между мирами, ходят противоречивые слухи, но факт того, что «кто-то таки может» не вызывает у местных сомнений. Сама культура мира во многом пострадала от вторжений уроженцев других вселенных и планет. Первым крупным потрясением для Эйшона, а именно так называется этот мир, стал приход «вечных», которые имеют самоназвание ат'сезнара. Ситуация закончилась относительно мирно, в отличие от вторжения жителей одной из версий Земли, которые пришли мстить вечному Арону из дома Мастеров за превраще-

ние души их планеты в игровую базу. Эти события описаны в серии «Зеркала Арона». Последствия разразившейся битвы отразились на всех жителях обеих планет, привели к созданию «Ордена закрытых дверей», а также оставили на Эйшоне различных существ, страшные легенды, могучие артефакты.

[4] Риптак – небольшой деревянный жезл с овальным сечением приблизительно 3 на 2 сантиметра. Используется для хранения информации на ряду с драгоценными камнями, однако это изобретение зеленого храма менее долговечно и надежно. Чем длиннее «палка», тем больше информации вмещает.

Глава 4

Демоническими амулетами можно было пользоваться по-разному. Один из способов – принести демону кровавую жертву. Другой – накормить его тем, чего он жаждет. Милисатр поглощал боль. Как всякий демон боли, он забирал её, отдавая взамен силу. Сколько крови и боли получил Милисатр сейчас, трудно было представить, но, похоже, немало, если расщедрился на тёмное благословение. Я с надеждой взглянул на невольных товарищей и понял – они готовятся продать свою жизнь подороже, не надеясь выжить в битве против такого страшного противника.

Изменившийся голопузый почему-то медлил. Странный звук заставил меня обернуться. В расстройстве от увиденного, я даже на миг забыл про угрозу скорой и, очевидно, мучительной смерти. На нас неслись все те же всадники на распротах, которые сначала так неаккуратно, при помощи ноги, убрали меня со своего пути возле моста, а потом оскорбили подачкой мелкой монетки возле городских ворот. Неожиданно с грустью подумалось о невозможной теперь мести. Особенно выделялся этот белобрысый на синем распроте. Теперь он зачем-то приподнялся в стремях и взмахнул рукой из стороны в сторону. Этот гад, похоже, требовал расступиться с дороги.

«Ну что ж сейчас они получают, – мелькнула в голове мстительная мысль, – Не одни мы сегодня умрем.»

Я злорадно повернулся к новоявленному полудемону, ожидая его реакции на подобное (всё-таки, они обычно чрезвычайно высокомерны и готовы бросаться на любой источник провокации), но от увиденного просто окаменел. Тварь, которая должна была начать убивать всех вокруг, совершенно спокойно стояла с отрубленной головой. Стоять тело осталось даже, когда всадники окружили меня и пару невольных боевых товарищей. Группа спешила, а я чуть присел, напрягая дрожащие ноги. Чуть что – буду драпать отсюда быстрее зайца. Да я демону был на один удар, а тут какие-то лихачи взмахом руки издалека сносят этой твари голову. Как будто спасся ото льва, чтобы увидеть едва заморившего червячка дракона.

Один из всадников оказался симпатичной девушкой со строгим взглядом. Она бросилась ко мне, схватила левую руку, рассматривая узор на тыльной стороне ладони.

– Повелитель огненных птиц, – сказала она, глядя на меня сверху вниз, – вот, значит, кого Логрот нашёл себе на замену. Что ж достойный выбор. Дом Карвинпасв рад приветствовать своего нового главу. – Лицо девушки озарила приятная улыбка, однако строгость во взгляде никуда не делась. – Надо же, теперь ты дважды повелитель.

После этих слов все остальные всадники склонили головы в почтении. Я растерянно оглядывал незнакомцев, без-

различные морды распротов, недоуменные лица бугая и парня в плаще, требовательный лик строгой девушки. Слишком много непонятого: странное поведение новичка в храме познания, недальновидный страж, неожиданные разборки с применением колдовства, мчащиеся то туда, то обратно всадники на невероятно дорогих неизвестно кем выведенных лошадях, повелители какие-то. С каждым мгновением неподготовленный к подобному разум все больше охватывало странное оцепенение. Самообладания и выдержки хватило лишь на одно слово:

– Ч-чего?

Сильдиг бежал, что есть сил. Нужно скорее доложить старшему. Дорога к месту собрания казалась слишком долгой. Вот и Медвежья улица, на самом краю Арлена. Третий дом от перекрестка с улицей Ловца. Сильдиг потянулся к ручке, но дверь начала открываться сама. Мужчина отпрянул. Пара быстрых шагов за угол и осмотреться. Не заметили? Похоже, нет.

Это в центре города все жилища имели некую изюминку, а на окраине Арлена дома были однотипными. Веселые, слегка испуганные молодые люди выходили из здания с ошарашенными лицами. Их объединяло чувство причастности к чему-то необычному, тайному. Сильдиг их понимал, ведь сам чувствовал то же. Тайное общество, в котором он со-

стоял, внушало трепет своей мощью. Эти дети не понимают, что являются всего лишь подопытными, необходимой частью эксперимента, который откроет большие возможности сообществу.

Мужчина не обольщался на свой счет. Вполне возможно, он сам часть иного эксперимента, но возможная смерть мало волновала бывшего сапожника. Все смертно, но знание, что его участие поможет произойти чему-то великому, грело душу потусторонним огнем. Каждая мысль о том, что он является неотъемлемым винтиком в механизме судьбы, заставляло трепетать тончайшие струны души. В свое время он будет выкинут, как и прочие ненужные детали. И что с того? Такова судьба.

Глупая молодежь расходилась. Возбужденный гомон становился все тише. Выждав для порядка некоторое время, Сильдиг бесшумно скользнул в приоткрытую дверь. Обойдя скрипучие места пола, он замер у двери в другую комнату. Прислушался, все ли подопытные ушли?

– У меня есть ещё несколько знакомых с фамилиарами, я пригласил их в Арлен. Будут через несколько дней.

Этот самодовольный голос был хорошо знаком Сильдигу. Он принадлежал отпрыску одной из посольских семей, что проживали в Арлене. Его владелец носил тёмный бархатный плащ с массивными золотыми знаками-застёжками, соединенными золотой же цепью. Жёлтые с коричневым отливом кудрявые волосы до плеч – словно ещё один кусок потёкше-

го благородного металла. Перчатки с руническими письмами, обязательный ритуальный кинжал, странно пахнущие мешочки на поясе и многие иные странности... Весь вид этого юнца кричал о неординарном уровне пристрастия к тайным искусствам.

Сильдиг терпеть не могу этого задаваку, но в комнату входил со спокойствием на лице. Раз ведутся подобные разговоры, то посторонних там нет. Блондин обернулся, лицо его скривилось. Сильдиг знал, что не нравится этому чудику, но на такую явную демонстрацию ответить взаимностью не мог. Равнодушие – это максимум, который он мог себе позволить. О несправедливости думать не хотелось. Отдавать ментальные силы стоит лишь важным вещам. Например, мысли так и вращались вокруг старшего. Рыцарь в сплошном чёрном доспехе стоял неподвижно. Забрало с несколькими тонкими вертикальными прорезями опущено, впрочем, как и всегда.

– Я пойду, хорошо? – вопрос блондина на первый взгляд остался без ответа. Вот только Сильдиг уловил посланный ему приказа, даже без слов старшего. Именно этим и отличаются настоящие последователи от одноразовых марионеток. – Ты что делаешь? Убери свои руки!

Наряженный в золото юнец старался выглядеть грозно, но руки Сильдига крепко вцепились в плечи жертвы. Мужчина с мрачным удовлетворением слушал шорох клинка, выходящего из ножен. Он был прав насчет решения старшего. Блондин еще пытался хорохориться, когда из его груди

вылез клинок. Резко, словно пронзило не плоть человека, а трухлявую доску, изъеденную червями. Клинок устремился дальше.

"Вот и мое время пришло" – думал Сильдиг.

Но нет, клинок остановился в нескольких миллиметрах от него. Видимо, он пока нужен старшему. Сильдиг думал, о том, какую ещё роль ему предстоит сыграть прежде, чем его отправят в обитель последнего пристанища. Взгляд обратился к клинку, который закованный в черный доспех рыцарь не спешил вытаскивать.

Лезвие его было оплетено серой паутиной, столь густой, что она казалась экзотической тканью. Ни одна капля крови не пролилась, всё впиталось в густую сеть нитей. Они не удовлетворились пассивной ролью. Сильдиг знал, что паутина проникает вглубь тела юнца-марионетки, высасывая жизненные силы.

Наконец, меч был извлечен. На теле, упавшем на пол, не было заметно раны, складки плаща очень удачно всё скрывали, только на груди часть дорогой материи, из которой была пошита рубаха и роскошный плащ щёголя, поменяла цвет и растрепалась гнильем. От тела придется избавляться. Всего-то легкое изменение структуры ткани, но и это было слишком значительной уликой для опытных расследователей, не говоря уже об охотниках зелёного храма.

Кстати, насчёт них. Важные новости следует доносить до ушей старшего прежде всего. Иначе, план может сорваться, и

грядущие великие перемены обратятся пылью неосуществленных мечтаний. Сильдиг не мог этого допустить. Во что бы то ни стало он должен помочь воплощению столь великого замысла. Возможно, если он окажется достаточно полезен, ему позволят прожить до того времени, когда мир преобразится. Сильдиг испытывал непередаваемое наслаждение даже от простого осознания причастности к грядущему. Мысль о том, что его имя может остаться в истории приводила мужчину в чистейший экстаз. Это была вершина его мечтаний.

– С северных ворот в город вошел некто в одеждах зелёного храма.

– Некто? – интонации в голосе старшего были очень слабыми, почти что отсутствовали. Лёгкое эхо придавало ему жутковатый оттенок.

– Молодой человек. Из его спора со стражами вышло, что он был гостем зелёных, теперь на учёбу в Гор направляется. Случайно заметил. Если бы он проскочил чуть раньше, мог что-то вынюхать о тайной встрече...

– На северных воротах, говоришь? Этой ночью там дежурит Харрел с подопечными. Он этих выскочек в зеленых хламидах терпеть не может. Если пропустил, значит, он и вправду мог оказаться простым гостем храма познания. Если он в Арлене проездом, то не должен нас волновать.

– Повод для беспокойства есть. Мне доложили, что этот якобы гость умудрился ввязаться в свару других неизвестных со жрецом Милисатра. За ним пристально следили от

самых ворот, какое-то время он провел на площади, затем с пешего хода перешел на бег, словно опаздывал. Спешить к дирижаблям смысла не было, скорее всего, он получил сигнал, что нужно поторопиться.

Сильдиг прервался на секунду, ожидая слов старшего, но тот хранил молчание, поощряя бывшего сапожника к продолжению.

– Жрец Милисатра оказался одним из благословенных, – пускай старший не произнес ни слова, Сильдиг ощутил его интерес, – а затем им помогли. Члены торгового дома Карвинпасв.

– Северяне? – задумчиво обронил чёрный рыцарь.

– По всему выходит, что да. С тех пор, как мы предположили их причастность к северному материку, нам не удалось получить доводов этой теории, но и однозначно противоречащей информации найти не получилось.

– Что сейчас с этим человеком из зелёного храма?

– Мне неизвестно. Наблюдатель увидел смерть жреца и зафиксировал срабатывание сигнального камня. Кто-то вызвал отряд химер, потому мой человек посчитал за лучшее убраться подальше.

– Правильное решение. От химер ему спрятаться не удастся, к тому же дальнейшее вполне предсказуемо.

– Не поделитесь своими мыслями?

Сильдиг давно искал связь причин и следствий, старался запоминать как те или иные люди действуют в определен-

ных ситуациях. Не раз ему доводилось встречаться с лихими людьми: ворами, убийцами, подпольными дельцами и ростовщиками теневого мира. Себя к разбойной касте Сильдиг не причислял. Да, благодаря его действиям уже сейчас гибнут люди, а в будущем погибнут многие миллионы, но что с того? Всё дело в цели. Если она неизменна, то и человек – ничтожество. Но цель великая, захватывает иных личностей. Не таких, как Сильдиг, но подобных этому рыцарю в чёрных латах и тем, кому он служит.

– Всё просто, – наконец, нарушил молчание собеседник Сильдига – каждого из участников стычки возьмет под конвоем один из отряда химер. Проведёт допрос, поводит по близлежащим кварталам. Ночью этот метод особенно эффективен. Днём к нему прибегают нечасто из-за спящих по улицам людей. Если отслеживать реакцию человека, можно заметить места, на которые он реагирует особенным образом. Это может быть место хорошо ему знакомое, либо то, в котором он недавно побывал. Так можно выяснить степень связи подозреваемого с городом. Когда тебе в затылок дышит противоестественная тварь, трудно себя контролировать, все маски слезают, как шелуха. Этот метод используется только в отряде химер. Благодаря твари Харрела, все члены отряда могут поддерживать мысленную связь друг с другом на довольно большом расстоянии. Они сравнят показания подопечных, их реакции и решат, как с ними поступить.

– Какие есть варианты? – тут же уточнил Сильдиг у стар-

шего.

– Либо отправят в отстойник, либо – в яму. После ямы многие становятся сговорчивее. Нашего знакомого в любом случае ждет отстойник.

– Почему?

– Если он оказался там случайно, то это выяснится довольно быстро. Если же он один из охотников зеленого храма, то знает все ухищрения стражей, потому сможет не выдать себя и опять-таки попадет в отстойник.

– Сохранить самообладание возле химеры... Это возможно? – удивился Сильдиг. В его понимании стражи из отряда химер были полумифическими существами. Он часто видел их в деле. Всегда находились глупцы, считающие себя самыми хитрыми и смелыми, но все они кончали притворяться, когда на их шее смыкались зубы чудовища в тихой и оттого особенно жуткой угрозе.

– Нам достаточно дождаться утра. Он направляется в Гор? Прекрасно. Ему нужно спешить. Лучше иметь день-другой в запасе, чем безнадежно опоздать на вступление в одну из академий. А вот если он – охотник храма познания, тогда найдется ещё ряд непреодолимых причин, – в последних словах Сильдиг уловил сарказм и насмешку, – которые не дадут ему покинуть Арлен. Это яснее прочего покажет – он стремится задержаться в этом городе, выставляя всё цепью непреднамеренных событий. Охотники зелёного храма хитры, подобное вполне в их стиле. К счастью, все их трюки

давно известны.

– Вот как, – Сильдиг задумался. В словах старшего был смысл. – И если парень из храма "случайно застрянет" в городе, больше, чем на день-другой..?

– Мы его убьём. Как и всех предыдущих ищеек зелёного храма, которые вздумали обосноваться в Арлене.

Сильдиг прищурился. Он подозревал, что исчезновение зелёных храмовников дело рук его старших товарищей, а теперь получил прямое подтверждение. Ему доверили опасное знание. Не опаснее прочих тайн, которыми владел Сильдиг, но сам факт значил много. Пока что он не просто нужен – ему планируют дать некое новое поручение. Значит, с телом заносчивого ничтожества, что лежало на полу, требовалось разобраться поскорей.

Бывший сапожник взвалил на себя труп. В который раз поразился. Считалось, что мертвецы весят меньше живых, потому что из них вылетает душа. Сильдиг даже слышал об опытах, подтверждающих это, но легкости почему-то не ощущал. Всякий раз трупы ложились на его плечи гораздо большей тяжестью, чем живые люди. Ох, не зря ходит меж людей выражение «мёртвый груз», совсем не зря.

Придавленный весом тела щёголя, Сильдиг тяжело ступал по ступеням подвала. Светлые, из не ошкуренного дерева, они жалобно поскрипывали, слегка прогибаясь под его ступнями. В подвале не было ничего, кроме большого тёмного камня. Места на нём хватит двум таким юнцам, ещё и оста-

нется. Сильдиг сбросил тело на плиту. Из неё тут же полезли серые щупальца-паутинки. Они впивались в ткань одежды, ползли по поверхности, оплетая тело, заворачивая в кокон.

Рука мертвого по локоть вывалилась за пределы плиты. Сильдиг наклонился и аккуратно положил ее на серый кокон паутины – туда, где должна быть грудь мертвеца под серой пеленой. Под весом руки кокон прогнулся, будто там была не твердая плоть, а желе. Серая пелена быстро разрослась и опутала всё тело. Сильдиг осмотрел руку. Ну вот, опять прицепилась. Часть паутинки прилипла к ребру ладони и теперь пыталась высосать из него жизнь, но у неё ничего не выходило. Была ли тому виной капля крови волшебника в жилах Сильдига, или причиной стало что-то иное, бывший сапожник хранил это обстоятельство в тайне. Если его хозяйка узнают, что есть человек, которого не может сожрать эта паутина тлена, кто знает, как они отреагируют? Аккуратно отцепив серый клочок, Сильдиг бросил его на плиту. Тело щёголя уже перестало существовать, серые нити втягивались в плиту, оставляя чистую поверхность.

Сильдиг поднялся обратно, прикрыл дверь и доложил старшему.

– Никаких следов, как всегда.

– Хорошо, – ответил равнодушный рыцарь.

Сильдиг смотрел на своего старшего в секте и поражался. Человек перед ним был стражем города. Как никто не заметил, что человек, обязанный охранять жителей Арлена, на

самом деле готовит их к заклятию? Или в страже ещё есть сектанты? Сильдиг надеялся, что однажды узнает это.

– Проследи за этим гостем из зелёного храма. Даже если он покинет Арлен, следуй за ним, а мне пришлешь своего помощника.

– Которого из них?

– Самого смышлёного. Того, с отрезанным ухом.

– Осмелюсь предложить другую кандидатуру. Человек, о котором вы говорите, слишком честолюбив и недостаточно предан нашему делу.

– Хорошо, решай сам. Завтра вечером помощник должен быть здесь.

– Он будет.

Сильдиг выходил из домика на Медвежьей улице с широкой улыбкой. Нужно проследить? Он проследит, узнает всю подноготную этого «гостя», а затем вернется в Арлен. Его заслуги оценят. Обязательно.

Глава 5

Как ни странно, мой разум от неминуемого сумасшествия из-за горы непонятностей, навалившейся на него, спасли стражи Арлена, среди которых был и единственный мой местный знакомец – Харрел. Как оказалось, он входит в летучий отряд быстрого реагирования. Бойцов вроде него старались рассредоточивать по службе среди менее талантливых коллег в качестве силовой поддержки и как надежный источник практических знаний в делах военных. Летучим отряд был почти в буквальном смысле. Каждый в нем имел боевую химеру, некоторые из тварей могли летать.

Такие химеры были привилегией военных, отслуживших в специальных войсках Марийского Царства. Создавались эти твари группами магов, под конкретного человека, который формулировал требования в соответствии со спецификой своей работы. Кому-то требовались исключительно устойчивые к перепадам температур твари, способные долго обходиться без воды, что крайне полезно в пустыне. Кому-то со способностями мимикрии и сопротивляемостью ядам, для лесных бдений, а кому-то нужна была химера для работы в городских условиях, такие могли превращаться во что-то безобидное, вроде домашнего животного. Однако они всегда имели не поддающиеся осмыслению способности, а

в случае смертельной угрозы могли быстро унести хозяина в безопасное место. Подчинялись ручные чудовища всегда одному единственному человеку, умирая вместе с ним.

Когда заканчивался обязательный срок службы, ветераны сохраняли химеру в качестве благодарности короля за отменную службу. Впоследствии они становились дорогостоящими наемниками, телохранителями или просто очень уважаемыми гражданами, потому как не уважать владельца марийской боевой химеры – очень вредно для здоровья. Особенно с учетом ментальной связи между владельцем и химерой, а также отсутствием полного контроля над созданием. Бывали случаи нападения химер на людей, вызвавших мимолётное неудовольствие их владельца. Чаще – у тех, кто не успел привыкнуть к мирной жизни. Конечно, для решения подобных проблем были разработаны специальные амулеты для владельцев химер и простые инструкции по безопасности для мирных граждан, но... всегда ведь остается шанс нарваться на полнейшего дурака, как с той, так и с другой стороны, который решает пренебречь инструкциями.

Арлен был городом уникальным во многих отношениях, но одной из главных его особенностей было наличие этого самого летучего отряда. Чем власти городка привлекали бывалых ветеранов к себе на службу, не знал никто, но факт – такой отряд был только в этом городе. И именно для его вызова была создана специальная система сигнализации. Небольшие камешки разных цветов, достаточно проч-

ные, чтобы не вызывать ложных тревог и достаточно хрупкие, чтобы даже ребенок мог их разбить при помощи тяжелого предмета.

Не все имели такие важные вещи. Каждая улица разбивалась на отдельные участки, где выбирали два-три дома, ответственных за контроль ситуации. В обязательном порядке сигнальными камнями снабжались жители угловых домов. Хотя, если была возможность, отдавали предпочтение тем, в чьи обязанности и так входит слежка за ночными улицами – охранникам складов, патрулям, работникам различных ночных заведений.

В этот раз вызов произвел некто из жильцов окружающих домов. Это стало ясно, когда самый молодой воин (на вид не больше тридцати, но по внешности местных оценить – та ещё задачка) зашёл в ближайший дом. Возможно, жильцы его ещё не ложились спать, а возможно – проснулись от шума во время драки, главное – летучий отряд был здесь и Харрел тоже.

С одной стороны нас сторожил ширококостный страж с химерой, более всего похожей на сплюсненную сороконожку пяти-шести метров длиной. Все сегменты ее брони были покрыты белыми костяными наростами, к ним же через неравные промежутки крепились шесть пар крыльев, похожих на стрекозиные. На голове шевелились три пары усиков разной длины. Венчались последние коричневыми шарами, из которых торчали распушенные волосяные иглы фи-

олетово-красного цвета. Ближний к монстру красный распрот взволнованно отступил ближе к людям.

Рядом расположилась химера того стража, что зашел в дом. Белое в округлых черных пятнах лягушачье тело с синими лапами было покрыто редкими оранжевыми перьями. Птичьи голова, крылья и хвост имели желто-черную раскраску и маслянисто поблескивали.

Сзади я рассмотрел примостившегося на крыше слизняка с множеством щупалец. Изгибались они так, будто костей в них нет вовсе. Большого рассмотреть не удалось, так химера постоянно меняла форму и была или прозрачной, или так удачно меняла цвет, что сосредоточиться удавалось лишь на отдельных её частях. Зато хозяйка химеры – мужеподобная женщина с арбалетом в руках была видна очень хорошо. Многозарядный арбалет – одно из изобретений гильдии часовщиков – внушал опасения. Местные механики – люди странные. Словосочетание «увлечённый механик» означало примерно то же, что и безумный учёный в моем мире. Владельцы химер тоже не отличались уравновешенностью психики. Такие личности вполне могли взять что-нибудь экспериментальное. Тут поневоле начнешь нервничать. Если эта штука выстрелит сама, будет очень неприятно. В основном потому, что направлено оружие на меня.

Харрел стоял с другой стороны дороги и гладил свою химеру. Существо лежало на его плече и было длиной с руку стража. Чересчур худая, нездорового тёмно-сизого цвета с

гладкой кожей, маленькой овальной головой на длинной тонкой шее. Большие добрые, беззащитные глаза химеры никак не вязались с представлением о «жутких кровожадных тварях», каковыми обязаны быть боевые монстры Марийского Царства.

Я ринулся к Харрелу, опять непонятно за что зацепился, упал, поднялся, доковылял с ушибленным коленом под настороженными взглядами его товарищей и быстро попытался изложить ему то, что видел с тех пор как покинул уютную караулку стражников. Страж внимательно посмотрел на меня и жестом остановил словоизлияния.

– Сейчас я должен отвести тебя в тюремный отстойник. Там тебе с остальными придется побыть до утра, пока следователь не примет решение, что с вами делать.

Втроем (я, Харрел и химера) мы отошли от места происшествия. Я заметил на земле черное перо. Наклонился, чтобы поднять, но был остановлен стражем.

– Оно ядовитое, не трогай. – моя рука резко отдернулась от красивого перышка – А теперь рассказывай что произошло. Ты, наверное не знаешь, но когда кто-то с места происшествия вот так бросается и начинает все рассказывать, это вызывает сильные подозрения.

– То есть, ты подумал, что я пытаюсь рассказать свою версию событий вслух, чтобы предупредить «подельников» относительно «общей версии случившегося»?

– Ну, я то так не думаю, но именно так всё выглядело. Тем

более, сейчас, когда творится нечто совершенно странное. Последние преступления в Арлене совершенно необъяснимы. Такое чувство, что злоумышленники научились проходить сквозь стены. Ничего об этом не знаешь? – пытливо посмотрел на меня страж.

– Откуда? Я же только сегодня в большой мир отправился.

– Мало ли... Может, слышал что-то в зелёном храме. Нет, так нет. А теперь рассказывай, как ты умудрился влезть в драку с демонопоклонником.

– Кстати, то перо не нужно убрать? – удивился я.

– Не нужно. Через пару часов оно станет совершенно безобидным. Ты, давай, рассказывай.

Я начал говорить, изредка поглядывая в добрые глаза химеры. Казалось, она тоже прислушивается к разговору. Рассказ закончился задолго до подхода к тюрьме, возле которой уже ждали парень в плаще и бугай – невольные союзники в ночном бою.

Харрел перекинулся парой слов со стражей у ворот тюрьмы, и с товарищами ушел по своим делам. Нас троих осталась караулить средних лет женщина со строгим взглядом, одетая в пластинчатый доспех невозможной расцветки. В самом деле, кто захочет делать броню из мягкого податливого золота, к тому же невероятно тяжелого? Ответ напрашивался сам собой: перед нами стояла маг духа. Не всем мастерам оккультных искусств было под силу укротить свой дух, не у всех он был достаточно силен и велик, чтобы можно было со-

творить нечто псевдоматериальное одной своей волей, вроде того же доспеха или оружия. По мелочи многие баловались магией духа, но вот такую крупную вещь сделать непросто. Преимущество в том, что сотворённые предметы не влияют на своих владельцев. Для неё доспех ничего не весит, а нас – придавит запросто. Конечно, это могла быть просительница Алых Залов.

Те, кто не мог или не желал тратить годы на занятия самодисциплиной и обучение контролю над духом могли обратиться в Алые Залы. После простенького ритуала они становились обладателями волшебного доспеха, способного спрятаться в особом слое пространства. Конечно, гибкости в их таланте не было никакой. Просители Алых Залов могли использовать только то, чем их одарили во время церемонии, зато силы в таких творениях было немерено. Ни один человек не может состязаться в мощи с богом. Имя бога-покровителя Алых Залов держалось в строжайшей тайне, оно было известно лишь жрецам высших посвящений, даже охотники храма познания не смогли ничего вызнать.

Пока я сонно клевал носом (откат от резкого выброса адреналина), страж в золотом доспехе привела нашу тройку к одной из камер. Дверь открылась совершенно бесшумно. За ней оказалось слабо освещённая комната с деревянным настилом метровой ширины, идущим вдоль каменных стен. Довольно большая – где-то пятнадцать на двадцать метров – чистая, сухая и содержащая больше десятка узников. На

появление новичков почти не обратили внимания. Прямо напротив входа был большой участок свободного пространства. Там наша троица и разместилась. Я присел на деревянный настил, облокотился на теплую стену и мгновенно уснул.

Проснулся от неприятного ощущения в желудке, который, очевидно, спать не ложился и теперь требовательно ворчал на нерадивого хозяина. Спросонья не сразу осознал, где нахожусь. Несколько мгновений вспоминал события предыдущего дня. Как всегда, сон притушил краски событий. Теперь меня намного больше занимала ароматная булочка и стакан молока, стоящие передо мной на полу в деревянной посуде, чем мысли о столкновении с демонопоклонником.

Оглядевшись, понял – нехитрый завтрак получили все заключенные. Булочка оказалась невероятно вкусной и сытной. Допивая молоко, думал лишь о том, что нужно было нарваться на какие-нибудь неприятности ещё днем. Тогда мог и переночевать в тепле и вкусно поесть. И всё совершенно бесплатно. Хотя нет, я же и так получил порцию проблем – половину дня в отключке провалился из-за тех всадников. Станных всадников. Сначала носятся как ветер в поле, потом чушь всякую несут. Додумать не дал сосед, тот самый бугай. Он так и не снял капюшон с головы.

– Тебя как зовут, парень?

– Искантерлнамзиас, – невольно вырвался вздох. – Редко кому удается запомнить и выговорить моё имя с первого ра-

за.

– Искантерлнамзиас, да? Забавно, что тут скажешь.

Я удивленно моргнул.

– Вот так сразу запомнил?

– Ничего сложного.

– Ага, у Кастора идеальная память. – к разговору подключился тот, что в плаще. – Меня Скирмил зовут. А насчет твоего имени действительно ничего сложного. Искантерлнамзиас. Пфф... Подумаешь.

Я совсем растерялся. Вот так сходу рушатся все привычные устои мира. Сегодня люди выговаривают моё имя с первого раза, а завтра что – местное солнце станет на западе? Лицо моё, очевидно, приняло странное выражение, потому что вокруг раздались смешки. В глазах Скирмила плясали огоньки веселья. Кастор только ухмылялся, дожевывая завтрак.

– Мда... И как это у вас получается, а я то думал...

– Не мучай голову, – расхохотался один из заключенных – эти двое, пока ты слюни во сне пускал, развлекали всех своей способностью к запоминанию. А имя твоё и правда лёгкое. Искаретм... ммм... Искантрелманс... Искатренл... Во имя всех богов! Да его ж хрен выговоришь!

Теперь хохотали все. А я немного успокоился. Не всё так страшно, я не сошел с ума и мир не перевернулся с ног на голову. Вот помню был случай... И тут память выкинула перед моим лицом руку и показала неприличный жест – не помню.

Бывает, возникнет ощущение, чем-то схожее с тем, что переживал раньше, такая себе ассоциативная цепочка. За ней потянется воспоминание, и вдруг сорвётся как рыба с крючка. Я попытался сосредоточиться, в надежде вспомнить что-то из прошлой жизни, но нет... ничего.

– О чем грустишь, Искантерлнамзиас? – спросил Скирмил

– Да так, думал, вспомню что-нибудь.

– Что вспомнишь? – не понял Кастор.

– Да хоть что-нибудь. Я из другого мира, а когда в этом оказался, почти ничего и не помнил.

– Ага, а имя такое запомнил, да? – реплика Скирмила звала новый взрыв хохота.

– Нет, имя тоже забыл. Меня просто нашли недалеко от храма познания. Я без сознания был. Разбудили, спросили как зовут. Я что-то пролепетал в ответ. Вот это и приняли за моё имя. Я его сам неделю выучить пытался. И только через месяц, когда более менее подучил язык, смог спросить чего они вообще меня так заковыристо называют. Представляете, как все удивились?

Новый взрыв хохота заключенных показал, что с воображением у них всё в порядке, а нас вряд ли ожидает что-то плохое. Люди, которым светят серьезные неприятности, так не хохочут.

– Почему не сменил? – Кастор был сама лаконичность.

– Привык.

Я рассказал вкратце свою историю. Скирмил и Кастор просветили по поводу своих полуночных дел. Оказывается, они едут в Гор – город академию, состоящий из различных школ, обучающих всевозможному волшебству, чародейству и прочей магии. Туда же, куда направлялся и я сам. Только ребята (на вид оба едва ли намного старше меня) перед приездом на учебное место решили разжиться парой демонических артефактов.

Все ученики, независимо от выбранной школы, обязаны проводить исследования в определенной области магического знания. От них во многом зависит дальнейшая карьера и направление специализации будущего кудесника. А поскольку они видели себя исключительно практиками, то решили подстраховаться и приобрести материал для полевых исследований. Тогда могли бы откреститься от нудных теорий.

На вопрос как они умудрились выйти на владельца демонических вещей, которые лишь формально являются законными, Скирмил сослался на знакомства дальнего родственника – дядюшки двоюродного племянника брата свояка его отца. После этих слов на лицах некоторых заключенных появились понимающие ухмылки, а я потерял к вопросу всякий интерес, ощущая, что меня водят за нос. Однако кое-что в сказанном всё же взволновало меня.

– Мм... Скирмил, какие вообще правила нужно соблюдать во время обучения? Может, есть что-то эдакое, ну...

просто не хочу вылететь сразу после начала обучения из-за незнания чего-то общеизвестного.

– Смотри куда вступать собрался. Ты в какую школу едешь?

– Да я как-то ещё не совсем определился, колеблюсь между... да неважно, в целом. А ты?

– Приедем – увидишь, – Скирмил тоже не захотел открывничать.

На самом деле я совершенно точно знал, куда именно еду. Меня интересовала одна конкретная школа, если её можно так назвать. Путь Агниркуса. казалось бы, почему не сказать об этом Скирмилу? Так вот, это не суеверие и не предрассудки. Есть надежда, что дальше будем добираться до Гора вместе со Скирмилом и Кастором, но если скажу куда собрался вступать, они вряд ли захотят продолжать путь в моей компании.

Сколько себя помню (чуть меньше года, который провел в этом мире), я почти ничего не хотел, кроме новых знаний и впечатлений. В зелёном храме же утверждали, что меня гложет желание силы. Хотя я ничего такого не ощущал, они выяснили, что это желание было иррационально и преследовало меня в той жизни, которую я не помню. Поэтому мне следовало попробовать стать немного сильнее, чтобы хоть что-то вспомнить. А все источники, которые попались в храме познания, однозначно утверждали: Путь Агниркуса воспитывает исключительно сильных последователей. И дело тут

даже не в количестве чар, которые они способны применять, не в их мощи, а скорее – в образе мышления. Особенно меня поразил один случай, описанный в хрониках зелёного храма.

Некто Асментрий – выпускник школы исповедующей путь Агниркуса – пришел ко дворцу баронессы Рийской – редкой красавицы (портрет я видел, действительно поражает). Эта дева пообещала отдать своё сердце самому сильному из претендентов на её руку. Асментрий же могучей статью не отличался. Хоть и был высок, но при этом имел чересчур худощавую фигуру и явно плохо обращался с мечом.

Естественно, его высмеяли. Баронесса в это время отсутствовала, но нашлись среди претендентов на её руку желающие избавиться от выпускника Пути Агниркуса до приезда красавицы. Первым кто бросил вызов Асментрию был крипт Каверит. Дуэль по настоянию крипта оговаривала "бой до смерти". Дата встречи была отложена на несколько дней от момента вызова. Крипт Каверит хотел посетить несколько вечеров перед поединком. Всё это время он бахвалился своей будущей победой. Потому всех удивила его неявка на место поединка. Асментрию была присуждена автоматическая победа. Вечером того же дня стало известно: крипт Каверит был разорван урсулиской в пригородном лесу. Зачем туда понесло крипта перед дуэлью для всех оставалось загадкой.

Спустя день траура по погибшему воину, вызов "оставшемуся без заслуженного наказания недоноску" решил бросить граф Тиль. Безземельный граф не претендовал на ру-

ку баронессы, но интересовался своеобразным состязанием, устроенным ею. Граф Тиль искренне сочувствовал погибшему крипту и собирался выставить Асментрия из замка в память о "благородном Каверите". Соответственно граф бросил вызов с условием, что бой будет вестись до первой крови. В случае проигрыша, Асментрий покинет владения баронессы Рийской, и никогда не будет претендовать на женитьбу с этой прелестной особой. Все свидетели утверждали, что Асментрий принял данные условия без каких-либо возражений, как и в случае с криптом.

Встреча мужчин была назначена на утро следующего дня. Хроники повествуют, что когда на поединок явился Асментрий, даже изнеженные ручные собаки благородных дам, замерли от удивления. Да и как тут не удивиться, если он явился на дуэль в длинной, до земли, шубе и с коротеньким ножом в руке. Удивление окружающих было столь сильным, что они даже забыли высмеять Асментрия. Тот же указал, что оружие и доспех не обсуждались, а значит, он мог выбрать их по своему усмотрению. Таким образом, выбрал те, которые счёл нужным.

Граф Тиль не был глупым человеком и признал: не смотря на нелепый вид, шуба из меха отри действительно может сослужить хорошей защитой даже против топора, что уж говорить о его дуэльном мече. Однако при этом придется жертвовать скоростью и манёвренностью. В условиях дуэли граф считал подобный размен довольно глупым. Выпускник Пути

Агниркуса оставил это замечание без внимания.

После сигнала о начале боя Асментрий невероятно быстро подскочил к графу и... обнял его. Не ожидавший такого дуэлянт, не сразу воспользовался своим преимуществом в силе и откинул противника прочь. Следующую минуту Асментрий уклонялся от выпадов графа, разрывая дистанцию. Однако тот был опытным воином и пару раз достал противника. Тем не менее, крови не было (спасла-таки Асментрия шуба). Зрители начали роптать. Стало ясно, что дуэль превратилась в какой-то цирк.

Когда граф от души замахнулся своим мечом и, наплевав на дуэльный кодекс, собрался бросить меч в противника, его неожиданно скрутило в приступе жесточайшего кашля. Через десяток секунд он уже еле стоял на ногах. Открытые участки тела пестрели красно-фиолетовой сыпью. Пораженные зрители не сразу поняли, что происходит, когда Асментрий демонстративно медленно достал из кармана маленький нож и попытался пустить графу кровь. Вот только коротенький клинок не оставлял кровавых линий.

Зрителям нож казался на удивление тупым: сколько Асментрий ни проводил им по коже графа, крови все не появлялось. Лицо, ладони, шея... нигде кровь не хотела выступать. Многие посчитали, что нерадивый претендент на красотку боялся сильно ранить дворянина, да только переборщил с осторожностью. Эта версия была разрушена, когда последователь Пути Агниркуса, наконец размахнулся и во-

ткнул нож в грудь графа. Маленький ножик с невероятной легкостью прошел кожаный доспех. Зрителям трудно было поверить, что минутой раньше он не мог оставить ни единой раны на теле графа. После демонстрации крови, Асментрия нехотя признали победителем, а проигравшего поспешно увезли домой.

Врач удовлетворил любопытство свидетелей дуэли, заявив, что никакой угрозы жизни графа нет. Причиной сыпи была простая аллергия на мех из шубы Асментрия. Однако, кроме троих дам, с которыми за прошедшие дни граф Тиль успел разделить ложе, это никого не успокоило. На резонное возражение хороших знакомых графа, о его неподверженности аллергии, врач с усмешкой поведал о своеобразной приправе в блюдах графа. Помимо экзотического вкуса и вполне определенного влияния на мужской организм, она способна вызвать аллергию на мех.

Возмущению дворян не было предела. Они призывали многие кары на голову Асментрия, называли его отравителем и подлецом. Врач заверил собравшихся в том, что приправа появилась на кухне графа задолго до этих событий, что подтвердил и повар пострадавшего. Это несколько успокоило благородное собрание. Они были вынуждены извиниться, признавая, что всё же погорячились. Но только с «отравителем»! Достойным воином Асментрия после победы считать не желали.

Некоторые любопытные захотели переговорить с самим

графом Тиль, но целитель категорично воспротивился. По его словам, многочисленные мелкие порезы на коже лица, шеи и ладоней при каждом движении доставляют графу чересчур много боли, а поскольку заживают такие ранения крайне медленно, то в ближайшую неделю граф вряд ли сможет получать удовольствие от общения. Все тут же вспомнили о «неудачных» попытках Асментрия порезать противника. Оказывается, нож был на редкость острым, а «клоун в шубе» достаточно искусно им владел, чтобы разрезать лишь кожу. Это объясняло лёгкость, с которой был пробит графский доспех. К тому же показывало на редкость злобный характер последователя Пути Агниркуса. Он ранил кожу, но не пускал кровь до самого последнего момента, вынуждая обидчика страдать.

Асментрию, бросали ещё несколько вызовов. Все препятствия он преодолевал с лёгкостью, уверенно оперируя слабостями противников. И чем дальше, тем больше его боялись. Появились слухи, что первый противник Асментрия не просто так решил прогуляться по загородному лесочку. Встреча с урсулиском могла быть далеко не случайной. По возвращении баронесса была закидана ворохом жалоб и кошмарных слухов. Она соглашалась наказать наглеца и выслушивала следующую порцию ябед на кошмарного последователя учения школы архимага Контуса Агниркуса.

Истории, одна страшнее другой, вливались ей в уши болтливыми «блюстителем чести и порядка». Стоит ли гово-

рять, что именно Асментрий стал избранником баронессы Рийской – невероятной красавицы и очень неглупой женщины. А наказанием ему стало повеление разобраться с врагами красавицы, что настойчиво пытались присоединить её земли к своим. Асментрий сделал это блистательно, попутно сильно расширив территории, на которых стал править вместе с умной женой.

В общем, последователи Пути Агниркуса умели побеждать и по праву считались сильными людьми. Обратная сторона медали – к ученикам этой школы редко хорошо относились. Зачастую их поступки вызывали гнев правителей и ярость обывателей, поскольку не поддавались привычной логике даже больше, чем поступки прочих сильных существ. Я не знал, как обстоят дела в других державах, но в Марийском Царстве последователей Пути Агниркуса почти ненавидят. Почему почти? Потому что всё-таки любой маг, воин или волшебник, не говоря уж о чародеях, на ненависть к своей персоне реагирует всегда с позиции силы. А сила – единственное, чем прославился Путь Агниркуса в широких массах. Ворчать под нос в компании кружки пива – это одно, а нарваться на неприятности из-за длинного языка – совсем другое. Школа Пути Агниркуса очень сильна. Пусть сила эта странная, я собирался испытать из её источника сполна. Но пока есть возможность сохранить это в тайне – зачем портить отношения с возможными попутчиками?

Глава 6

Я покосился на Кастора и Скирмила. Они просили всех заключенных показать перед собой несколько пальцев на один лишь миг и затем спрятать руки куда угодно. Происходящее заставило меня усмехнуться. В храме познания приходилось быть свидетелем похожих шуток. Наставники храма рассказывали о хитрых приемах. Они помогали ввести собеседника в ступор, чтобы потом было легче получить нужную информацию. Суть этого трюка в том, что пока заключенные будут думать куда деть руки, они не сразу разожмут зажатые пальцы. Это усугубиться их азартом и спешкой. При должной сноровке, можно успеть запомнить кто и что показывал. Для такого фокуса нужна внимательность, а не выдающаяся память. Ну вот. Что и следовало доказать. Заключенные заметались и вместо того, чтобы использовать самый простой способ сбить наблюдателя с толку – растопырить пальцы – потратили почти пять секунд впустую, пытаюсь спрятать руки.

– Ну что ж, – задумчиво протянул Скирмил, нагнетая обстановку, – это будет сложно. Полагаю, хмм... пальцев было...

– Сорок четыре, – Скирмил повернул ко мне удивленное лицо. Я же продолжил: – Трое показали по одному пальцу,

двое – по три пальца, пятеро – по семь. Остальные решили проявить оригинальность и не показали ни одного.

Удивленное перешептывание заключенных, сверяющих правильность ответа друг с другом, сменилось пораженной тишиной. В отстойнике раздавался лишь громкий заразительный смех Кастора, который не прервался даже после довольно громкого щелчка дверного замка.

Дверь в камеру открыл страж, защищенный полным чёрным доспехом с опущенным забралом. Доспех состоял из множества небольших пластин, соединенных колечками и цепочками с крючками да завитушками непонятного назначения. Мог ли кто-то выковать такой доспех? Пожалуй, да. Мог ли обычный страж позволить себе купить такое произведение кузнечного искусства? Очень вряд ли. Следуя логике, я рассудил, что перед нами очередной маг духа, наловчившийся создавать себе защиту.

Непонятно было только с этими завитушками на доспехах, похожими на кустик из проволоки, закрученной в один моток. Это из-за плохого контроля возникло, или они для чего-то предназначены? Задать этот вопрос так и не решился. Куда нас вели было непонятно, и оттого я начал нервничать. Короткий коридор и лестница привели к открытым дверям кабинета старшего расследователя города Арлен. Им оказался дряблощекий мужчина со строгим лицом и легкой сединой в редеющих волосах. Он распекал одного из своих подчиненных.

– То есть, ты всерьез рассматриваешь эту версию? Преступники научились проходить сквозь стены, но занимаются мелким воровством? Если я ещё раз услышу подобную чушь, ты отправишься служить на границу с Фистафией! Иди и найди следы этой шайки, к вечеру у меня на столе должен лежать отчет с адекватной версией! – подчиненный быстро вышел с упрямо поджатыми губами. Старший расследователь обратил внимание на нас. – Это они?

Наш сопровождающий в чёрном доспехе даже не пошевелился, но видимо его молчание было принято как знак согласия.

– Надеюсь, впредь вы воздержитесь от совершения столь рискованных сделок на улицах моего города, – произнёс старший расследователь и махнул рукой. Молчаливый страж в чёрном доспехе быстро вывел нас из здания. От сильного хлопка дверью я дернулся и повернулся к стоящему слева Скирмилу.

– Это что вообще сейчас было? Я думал, беседа будет более содержательной.

Скирмил поежился.

– От более содержательных бесед с расследователем бывает очень плохо.

– Это с чего вдруг? – удивился я.

– Просто поверь его опыту, – пробурчал Кастор из под капюшона.

– Ага, – я все не мог успокоиться, – а ты, значит, знаешь

это от дальнего родственника?

– Именно, – Скимил сказал это резко, явно не желая продолжать обсуждение своей родни. – Давайте уже убираться отсюда. Странно, что нас так быстро отпустили. Как бы на более серьезные неприятности не нарваться.

Я кивнул в знак согласия, посмотрел на Кастора. Лицо здоровяка не выражало ничего. Да уж, ему всё нипочем. Совершенно непробиваемый тип.

– А почему с нами не было того, другого... ну, который с дубинкой был?

– Отказался сотрудничать со следствием, надо полагать. Тебя, когда вели к тюрьме, допрашивали? – Спросил Скимил. Я кивнул. – Вот и нас расспрашивали с Кастором по отдельности. Потом сравнили показания и в итоге отправили в отстойник. А Лолтис, так того типа звать, – пояснил мне Скимил, – или не стал ничего объяснять, или наврал с три кучи...

– С три короба, – машинально его поправил, думая как стражи успели сравнить показания, если сразу же после короткого обхода не перекинувшись ни словом, отправили нас в отстойник.

– Это у нормальных людей с три короба. А у таких ублюдков, как Лолтис, которые приводят, вместо обещанного коллекционера, жреца сильнейшего из демонов боли, что слова, что испражнения – одно, – Скимил поморщился от неприязни и продолжил. – Так вот, если ты с радостью сообща-

ешь всё как есть, без утайки, то попадаешь в отстойник. Там тепло, сухо и кормят прилично. А если упорствуешь и изворачиваешься – добро пожаловать в яму. Сырую, холодную, без единого проблеска света. Из еды там одни крысы, а если учесть как стражи «любят» таких вот упорствующих, то ещё неизвестно, кто станет едой. Крыс там тоже не кормят, знаешь ли.

Скирмил замолк, а я подумал, что он должен был немало пережить, чтобы узнать всё в таких подробностях. Осталось только поблагодарить Харрела, который собирался отвести меня в отстойник ещё до начала допроса.

Когда проходили мимо четырех фонтанов в центре площади, опять невольно ими залюбовался. Днём они выглядели куда красивей, чем ночью. Множество радуг в окружающих их брызгах так заинтересовали меня, что и не заметил, как появилось препятствие в виде других людей. В одного из которых я благополучно врезался. Кастор со Скирмилом помогли подняться. Я ожидал криков и ругани, может даже начала драки, но когда рассмотрел, с кем столкнулся, то сильно струхнул. Внезапно стало понятно, чьему заступничеству обязан таким скорым освобождением из-под стражи.

Это оказались те самые всадники. Сегодня они пришли без распротов, только на своих двоих. Меня одолевали дурные предчувствия. Чего ожидать от людей, которые сначала едва не убив человека бросают его на произвол судьбы, а затем с лёгкостью одним взмахом руки сносят голову ожив-

шему ночному кошмару большинства нормальных людей – благословлённому слуге демона? Как оказалось, сбил с ног я ту самую девицу, что была у этого отряда кем-то вроде предводителя.

– Рада видеть, что с вами все в порядке, повелитель, – прорычала эта девушка, отряхивая одежду от несуществующей пыли. В глазах её пылала нешуточная злость. За её спиной, чуть левее, стоял запомнившийся белобрысый лихач. Теперь уже моё лицо стало злым.

«Ну почему, я столкнулся не с ним? Потом можно было бы ещё потоптаться напоследок по его лицу, чтобы стереть эту туповатую улыбочку. Хотя, кого я обманываю? На этих ребят нарываться совсем не хочется.»

– Молодые люди, меня зовут Амрен, – вступил в разговор мужчина. Из шестерых человек этот был самым высоким, самую малость ниже Кастора. Он выглядел серьёзным человеком, и как-то неуволимо вызывал чувство расположения. – Давайте, продолжим разговор в более подходящем месте.

Деваться «молодым людям» было некуда, и мы согласились. С таким челвоеком хотелось разговаривать без лишней грубости, вежливо, с удовольствием, что само по себе навело меня на мысль о внушении и заставило сосредоточиться. Далеко идти не пришлось. На противоположном от тюрьмы крае площади располагалось странное и угловатое во всех смыслах здание, которое ещё ночью привлекло моё внимание. Оказалось, что это всего лишь своеобразная про-

ходная – приёмная перед самым домом. Двухэтажный особняк, окруженный цветочными лужайками и плодовыми деревьями не оставил равнодушным даже Кастора.

– Что это за место? – здоровяк выглядел на редкость умиротворенным.

– Мой дом, – ответила предводительница этого странного отряда.

Через несколько минут мы разделились. Кастор и Скимил сидели с чаем в беседке из какого-то странного белого дерева с текстурой напоминающей кость, а меня провели в дом. Вообще, лёгкость и сказочность местной атмосферы совсем не сочеталась с грозным видом хозяйки окружающего великолепия. Видимо, внешность обманчива. Обо всем этом я успел поразмыслить сидя у окна в одной из комнат на втором этаже особняка. Прекрасный сад радовал глаз, а то, что отсюда было хорошо видно беседку, в которой отдыхали новые знакомые, добавляло чуточку спокойствия растревоженному плохими предчувствиями сердцу.

Наконец, в комнату вошли хозяйка дома и девочка, лет тринадцати на вид. Предводительница всадников была все в той же одежде для верховой езды, что и раньше: чёрные штаны, плотно облегающие стройные ноги, короткая куртка и сапоги с низким каблуком. Каштановые волосы, стянутые в хвост на затылке черной лентой, распались за плечами пышным потоком. Почему-то только сейчас я заметил, насколько она привлекательна, особенно на фоне стоящей ря-

дом девочки.

Ровно спадающие, абсолютно черные волосы малышки контрастно выделяли общую мягкость черт лица. Это жизнерадостное дитя было одето в черное платье с несчетным количеством всяких кружевных нашивок и оборочек. На одежде ребёнка особенно сильно привлекали внимание многочисленные крылатые феи с тёмного цвета кожей. В тёмных кукольных нарядах и с чёрными крылышками они должны были сливаться в одно пятно, но почему-то легко выделялись глазами. Будто зрение само собой улучшалось, чтобы уловить каждую складочку миниатюрных фигурок. Присмотревшись к ним, можно было увидеть творения настоящего мастера. Все чёрные феи, несмотря на общую схожесть, почти неуловимо отличались в различных деталях – уникальная работа. А резкие, в чём-то даже злые, черты лица пришитых игрушек сильно оттеняли добродушное выражение лица девочки, отчего она казалась ещё милее.

– Меня зовут Ямнис, а это, – взмах в сторону хозяйки дома, – Мирситена.

– Искантерлнамзиас, – к имени девушки отнеслись спокойно, то ли и не такое слышали, то ли уже знали как их «го-стя» зовут.

– Итак, – задумчиво произнесла малышка, – с чего бы нам начать?

– Быть может с того, что вообще происходит?
Девушка и девочка переглянулись.

– Мда-а, что-то такое мы и предполагали, – протянула девочка, покосившись на хозяйку дома. – Логрот что, совсем ничего тебе не объяснил?

– А кто такой Логрот? – вопрос вызвал новое переглядывание девушек.

– Тот, кто поставил тебе метку нашего дома, – продолжила малышка. – Ты предвечный, он распознал тебя, и предупредил... должен был предупредить о том, кто мы такие, и кем вскоре станешь ты сам. Разве не поэтому тебя отправили в этот мир?

– Вообще-то, я ничего не помню о своей жизни, до того момента, как попал сюда. Так что, может, вы мне всё объясните?

– Всё настолько плохо? Были ещё какие-то негативные последствия при переходе в этот мир?

– Я уменьшился, – на мои слова малышка отреагировала заинтересованным взглядом, который отдавал чем-то странным.

– То есть, помолодел, – протянула она, – как будто отмотали несколько лет назад?

– Нет, – я замотал головой – я остался таким же, только меньше в размерах. Моя одежда была вся в подпалинах, но на несколько размеров больше. Когда меня нашли, я в ней свободно барахтался. Предположительно, я был выше на тридцать сантиметров. Это вот столько, – показал он руками расстояние для большей ясности. – Приблизительно. И ещё

храмовники подтвердили, что пропорции тела остались такими, как и были, если судить по одежде. Опять же, приблизительно. Так что версию о внезапном омоложении отбросили сразу, а вот почему так случилось... – я развел руками, показывая всю глубину неясности данной ситуации.

– Хумум... – неразборчиво пробормотала девочка, закусывая губу. Она задумалась, глядя куда-то в потолок и постукивая указательным пальцем по подбородку. – Я бы не стала вот так сбрасывать это со счетов. Возможно ты прикоснулся к вечности во время перехода... Потеря памяти в процессе инициации не редкость... И метка смазана. А если... Нет, определенно он ещё не стал ат'сзенара... Значит, так! – похоже девочка наконец, приняла какое-то решение. – Примем, как данность, что ты – ничего не знающий предвечный, и постараемся донести до тебя хоть какие-то основы нашего бытия. Думаю, месяца хватит, чтобы вбить в твою голову знания о том, чего делать нельзя. Потом можешь заниматься, чем хочешь, а вот когда, наконец, станешь ат'сзенара... – Малышка мечтательно улыбнулась. – Вот тогда мы займемся твоим воспитанием всерьёз.

– Э-эй, – я так разнервничался, что даже заикаться начал. – К-какого ещё месяца? Я ни на что согласия не давал. Мне в Гор нужно. Через неделю начнется приём в ученичество, а я и так еле насобирав денег на дорогу и обучение. И вообще, вам не кажется, что похищение человека – это уже чересчур? Я...

– Не тараторь, – перебила девочка. – Делай, что старшие говорят. Это для твоего же блага.

– Вообще-то, я постарше тебя буду, – всё моё существо, прямо-таки источало скепсис и раздражение.

– Думаешь?

В следующий миг лицо малышки оказалось прямо передо мной. Глаза её широко распахнулись, а на меня обрушились видения о временах столь древних, что в человеческом языке нет слов, чтобы это описать. Я видел планеты и звезды, они появлялись и гасли. Видел множество народов, красивых и кошмарных. Видел закаты и рассветы в мирах похожих на мой родной и совершенно непостижимых для человеческого разума. Это было... завораживающе. Красиво. Чудесно. Никогда я не видел ничего подобного. Я просто знал – даже до потери памяти мне не доводилось видеть такого. Непостижимое великолепие многих видений, заставляло трепетать душу в чистейшем экстазе.

Внезапно всё прекратилось. Девочка отошла на шаг и удивленно посмотрела на меня.

– Надо же, выдержал.

Мне так хотелось увидеть продолжение, что рука сама произвольно дернулась вперед, сцепив пальцы на тонком девичьем запястье.

– Покажи мне ещё!

Властность грубого окрика поразила меня самого. Ведь я даже не собирался что-либо говорить. Тем более так резко

требовать продолжения чудесного видения. Взгляд, брошенный на малышку, вызвал острое чувство вины. Она вся жжалась, будто на плечи ей положили тяжелый груз.

– Спи.

Сказанное громким шепотом слово вылетело из детских уст и окутало меня мягким коконом, залезло в голову и заполнило ее шуршащим эхом. Я успел выдохнуть еле слышное «Прости» прежде, чем погрузился в мягкие объятия тьмы.

Глава 7

Мирситена замерла в оцепенении. Напряжение, не оставившее её с начала разговора, достигло своего апогея. То, что Искантерлнамзиас выдержал «взгляд вечности» ещё куда ни шло, в конце концов, он – предвечный. Мало ли что он пережил в прошлых воплощениях. Пока душа развивается, проходя через множество жизней и смертей, она приобретает свои особенные, уникальные черты, чтобы со временем обрести самосознание и стать ат’сзенара – истинно вечным существом.

Сознание ат’сзенара находится не в плане духа, как у богов, не на стыке плана духа и материи, как у демонов и уж конечно не в материальном плане, как у тварных существ. Оно укореняется в плане души. Конечно, это утрировано. Жизнь души настолько отличается от привычной большинству существ, что окончательно оставить уровень тварных существ и духов способны лишь старшие ат’сзенара, жаждущие спокойного счастья гармонии. Юные вечные, оставаясь связанными с душой, переносят основную часть сознания в иную плоскость бытия – чаще всего в материальную, чтобы наслаждаться простыми радостями тела. С богами и демонами тоже не всё так однозначно, но что в этом мире просто?

Мирситена была молода даже для людского племени – ей было всего восемьдесят лет. При средней продолжительности жизни людей этого мира в двести тридцать два года, это было сущей безделицей. В сорок пять лет наследница герцога Раж – родного брата правителя Пирвии – по наитию провела странный обряд, в результате которого призвала силы Дома Кровавой Тьмы и стала ат'сэнара. Тогда она осознала мир в гораздо большем смысле, чем можно объяснить человеку.

Герцог довольно быстро понял, что случилось с его дочерью. Потому, когда на следующий день в замок прибыла Ямнис, он сразу поверил гостье, которая выглядела как пожилая леди, не утратившая печати красоты. Всем было объявлено о болезни наследницы, а затем и о смерти. Церемония захоронения была проведена по всем правилам. Тело поместили в фамильный склеп, и никто не поинтересовался: «Почему любящий отец совсем не опечалился смертью любимицы?».

Ямнис переделала тело Мирситены за двенадцать лет. Именно столько требуется чтобы энергетика человека полностью адаптировалось к измененным каналам энергии, приспособилась к потокам сил, отличных от привычных для этого мира. После вмешательства Ямнис, Мирситена не утратила красоты, но была буквально пронизана могуществом. Стала быстрее, сильнее физически и магически. Ямнис не пожалела силы при создании сосуда для новой Заклинательницы Дома. Дальше Мирситена развивалась сама, до-

вольно плодотворно. Она была слаба по меркам ат'сценара великих Домов, но с рядовыми вечными могла справиться без труда. Для её возраста это было огромным достижением. Знания, собранные в библиотеке Дома, открыли ей многие тайны, но нигде не было упоминания о том, чему она стала свидетелем только что.

Ямнис – плоть от плоти одного из древнейших – сгорбилась под давлением воли простого человека. Он – предвечный, да, но далеко не каждый из сильнейших ат'сценара, принцев и принцесс иных великих домов, мог вызвать хоть малейшее напряжение на лице Хранительницы Дома Кровавой Тьмы.

Мирситена не была знакома с Логротом. Он бродил где-то в иных мирах. Всё, что молодая вечная знала – это существо было довольно эксцентричным и фактически создало Дом Кровавой Тьмы. Теперь Мирситена была уверена в его ненормальности. Непонятно, из какого мира бывший Защитник Дома вытряс новичка, но нужно быть совсем безумным, чтобы ставить на *это* метку наследника.

– Мирситена, – окрик Ямнис заставил девушку вздрогнуть, – мне нужно провести модификацию его тела. В какой комнате это можно сделать?

Хозяйка особняка задумалась. После такой процедуры в комнате, скорее всего, придется проводить капитальный ремонт. Ямнис – мастер своего дела, но эманации после процедуры остаются очень неприятные.

– Коричневая комната мне никогда не нравилась.

Эта фраза вызвала у девочки улыбку. Что бы только что ни произошло, Хранительница Дома быстро оправилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.